

Блистательная новая
серия от автора
бестселлеров
The New York Times!

Сабрина Джеффрис

КАК СТАТЬ
ГЕРЦОГИНЕЙ

18+

с в е т с к и й р о м а н

Светский роман: дневники дебютантки

Сабрина Джеффрис

Как стать герцогиней

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Джеффрис С.

Как стать герцогиней / С. Джеффрис — «Эксмо»,
2019 — (Светский роман: дневники дебютантки)

ISBN 978-5-04-115473-8

Черета сменяющих друг друга отчимов и трудное детство сделали из Флетчера «Грея» Прайда, пятого герцога Грейкурта, недоверчивого, баснословно богатого бунтаря-одиночку. Грей настолько поглощен приумножением своего состояния, что у него не остается времени на поиски жены. Но однажды он встретит очень необычную женщину, с которой у них, оказывается, много общего. Хотя, какой бы красивой и очаровательно искренней она ни была, Грея любовь не интересует... Беатрис Вулф давно не надеется завести роман, а заносчивый герцог Грейкурт с его репутацией нахала ее и подавно не интересует, и нехотя она соглашается на совместный «проект», который должен доставить радость матери Грея, только что потерявшей мужа. Когда Беатрис поближе узнает Грея, ей будет сложно держать его на расстоянии. Но что, если ему станут известны тайны ее семьи? Сможет ли она сделать выбор между верностью семье и мужчиной, которому, кажется, удалось завоевать ее сердце?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-115473-8

© Джеффрис С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сабрина Джеффрис

Как стать герцогиней

Посвящается Джойсу Рэтли.

Спасибо за то, что Вы столько лет занимались обучением наших детей и взрослых, страдающих аутизмом, и за заботу о них.

Нам будет не хватать Вашей мудрости, Ваших удивительных навыков и мастерства.

Я знаю, что Вы продолжите свою работу и сделаете еще много добрых дел.

Также посвящается моему агенту Пэм Ахерн из агентства «Ахерн», которая оказывает мне поддержку вот уже тридцать один год и была рядом со мной как в хорошие, так и в плохие времена. Надеюсь, что наше сотрудничество продолжится еще много лет!

Sabrina Jeffries

PROJECT DUCHESS

ZEBRA BOOKS are published by

Copyright © 2019 by Sabrina Jeffries, LLC

В оформлении обложки использована фотография:

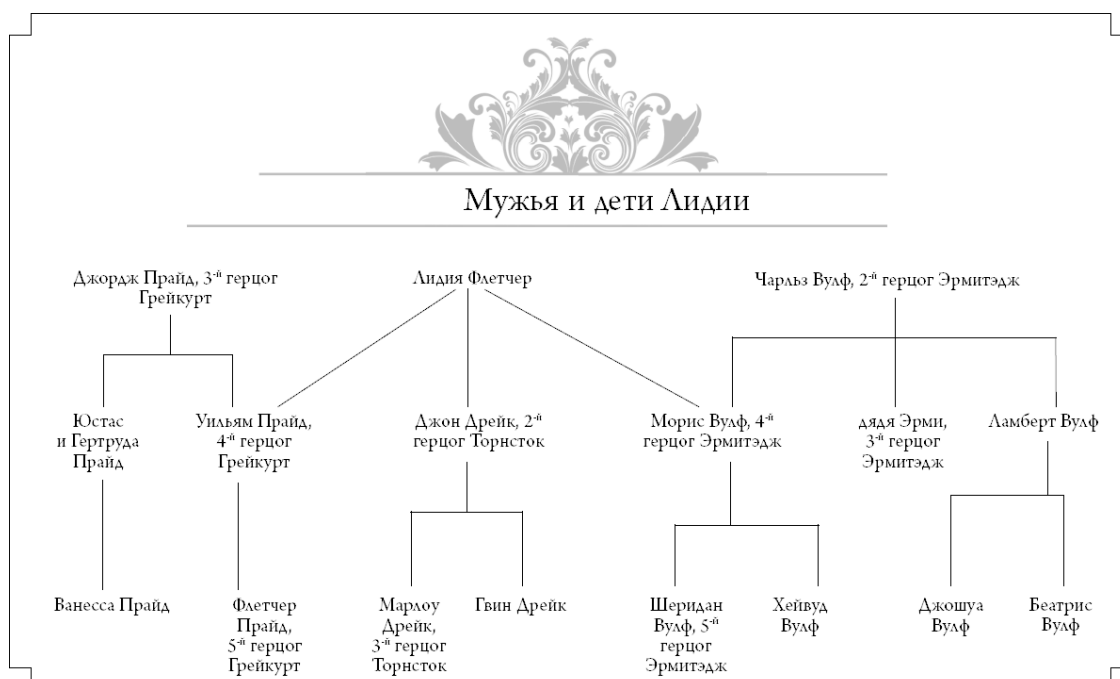
© Valery Sidelnykov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Жукова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Из газеты «Лондонское общество»

ВДОВСТВУЮЩАЯ ГЕРЦОГИНЯ ОСТАЛАСЬ БЕЗ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Как мы и обещали, дорогие читатели, спешим сообщить вам последние слухи и сплетни. Самая удивительная – о небезызвестной Лидии Флетчер, которая к настоящему времени заработала весьма сомнительную репутацию. Трижды выходила замуж за разных герцогов и трижды овдовела! Ее первым мужем был четвертый герцог Грейкурт, после него она вышла замуж за второго герцога Торнстока, недавно скончался ее последний муж – третий герцог Эрмитэдж.

Она родила каждому мужу по наследнику, а в одном случае еще и второго сына, так сказать, про запас. Следует заметить, что результат их воспитания получился неоднозначным. Ее сын Флетчер Прайд, пятый герцог Грейкурт, в десять раз увеличил состояние отца, но также ходят слухи, что он возглавляет тайное общество развратных холостяков. Если вспомнить, какой это скрытный, сдержанный и необщительный человек, то трудно представить кого-либо менее склонного к подобному бесцельному времяпровождению. С другой стороны, частенько в тихом омуте черти водятся.

Скорее можно поверить слухам о ее втором сыне, Марлоу Дрейке, третьем герцоге Торнстоке, о котором говорят, что он не пропускает ни одну юбку. Уж если девушка ему понравилась – значит, будет его. Его сестра-близнец, леди Гвин, недавно приехала в Лондон и должна осложнить ему жизнь. Ему придется умерить любовный пыл, потому что теперь он будет вынужден присматривать за поклонниками сестры. Первый сезон этой дебютантки обещает стать очень интересным, и мы собираемся за ней наблюдать с повышенным вниманием.

Наконец мы дошли до Шеридана Вулфа, четвертого герцога Эрмитэджа, который большую часть жизни провел в Пруссии, где его покойный отец служил послом. Это темная лошадка, большинство людей из высшего света с ним не знакомы. Хотя, вероятно, у него не возникнет проблем с поиском наследницы, готовой обменять приданое на такой желанный и высоко ценимый титул герцогини. А если у кого-то это получится, то даме следует побыстрее родить ему наследника, а лучше парочку, поскольку у Шеридана имеется младший брат – полковник лорд Хейвуд Вулф, который только и ждет удобного случая заполнить титул!

На самом деле для потомства вдовствующей герцогини Лидии было бы лучше обзавестись наследниками как можно быстрее, учитывая, что члены этой семьи склонны отправляться в мир иной раньше положенного срока. В первую очередь это относится к герцогам – и эта мысль вызывает дрожь.

Похороны состоятся в Эрмитэдж-Холле, в графстве Линкольншир.

Глава 1

Лондон, сентябрь 1808 года

Стоял прекрасный осенний день. Флетчер Прайд, пятый герцог Грейкурт, поднялся по ступеням своего дома в Мейфэре. Герцог был глубоко погружен в свои мысли – обдумывал очередной проект. Вероятно, поэтому он и пропустил многозначительный взгляд дворецкого, который явно хотел его о чем-то предупредить, когда он только появился в дверном проеме.

– Ваша светлость, я считаю своим долгом сказать вам...

– Не сейчас, Джонстон. У меня ужин в восемь, а до этого мне нужно обязательно поймать старину Брайерли у него в клубе. Он избавляется от своих земель рядом с моим поместьем в Девоншире, и меня они очень интересуют. Я обязательно должен их получить, если хочу расширяться. И еще до разговора с ним мне нужно просмотреть несколько отчетов.

– Опять будешь покупать землю, Грей? – прозвучал молодой женский голос. – Иногда мне кажется, что ты покупаешь недвижимость, как женщины покупают платья. По крайней мере, с таким же энтузиазмом. А судя по твоей репутации расчетливого дельца, ты, вероятно, и платишь за них меньше, чем они на самом деле стоят.

Грей резко повернулся на звук голоса:

– Ванесса!

Потом он нахмурился и посмотрел на Джонстона:

– Почему ты не сказал мне, что она здесь?

Дворецкий возвел глаза к потолку. Большого он никогда себе не позволял и обычно оставался невозмутимым.

– Я пытался, сэр, – ответил он.

– Ах да. Пытался.

Грей снисходительно улыбнулся Ванессе Прайд. Ей было двадцать четыре года, на десять лет меньше, чем ему. Он относился к ней скорее как к младшей родной сестре, чем двоюродной.

Он снял шляпу, тонкие перчатки и пальто и передал лакею. Грей не узнал этого слугу, который рассматривал Ванессу, широко раскрыв рот, словно нищий принцессу. Такая реакция лакея не удивила герцога Грейкурта – идеальные пропорции лица в форме сердца и черные как смоль кудри всегда привлекали внимание мужчин, но прислуге не подобало так ее разглядывать.

Грей посмотрел на лакея уничижительно, как умел только он. У него прекрасно получалось поставить на место одним взглядом тех, кто позволил себе преступить какие-то границы.

Лакей покраснел и поспешил прочь. Джонстон сделал шаг вперед и произнес тихим голосом:

– Простите, ваша светлость. Это новый человек. Я обязательно поговорю с ним.

– Только не забудь, – ответил Грей и повернулся к Ванессе, которая, казалось, даже не обратила внимания на этот обмен репликами: – Я тебя не ждал.

– А следовало бы, кузен. – Ванесса демонстративно сделала реверанс и хитро ему улыбнулась. – Или мне следует сказать «потенциальный жених»?

– Давай не будем шутить на эту тему, – проворчал он.

Каждый раз, когда он думал о своем возможном браке с Ванессой, то вспоминал ее ребенком, еще в пеленках. Он помнил, как ее держал на руках ее отец, его дядя Юстас Прайд, и знал, что не сможет никогда жениться на Ванессе. Грей видел, как она росла – фактически у него на глазах, – и не мог представить ее своей женой.

К счастью, Ванесса тоже не горела желанием выходить за него замуж. Именно поэтому каждый раз, когда ее амбициозная мать отправляла ее в этот дом в Мейфэре с указанием

создать какую-нибудь компрометирующую ситуацию и заманить Грея в ловушку, чтобы потом вынудить жениться, они проводили большую часть времени, придумывая правдоподобные причины провала маминых планов. Обычно Ванесса говорила, что Грей «только что уехал» и она его не застала.

– Не беспокойся, – рассмеялась Ванесса. – Со мной приехала горничная. Как и обычно, она подтвердит любое оправдание, которое мы придумаем для мамы. И даже поклянется! Пойдем выпьем чаю с кексами в гостиной.

Только пусти Ванессу в дом – и она тут же начнет всеми командовать.

– Ты хорошо выглядишь, – заметил Грей, когда они шли по коридору.

Она слегка поправила рукой густые вьющиеся волосы, опередила его танцующей походкой, потом резко развернулась, шурша юбками, и посмотрела ему прямо в лицо:

– Значит, тебе понравилось мое новое платье? Я не скажу маме. Она специально его выбрала для того, чтобы тебя спровоцировать. Я ей сказала, что желтый – твой любимый цвет.

– Я ненавижу желтый.

– Вот именно, – кивнула она, в ее голубых глазах плясали чертенята.

Грей не мог не рассмеяться.

– Моя дорогая, ты бесенок, а не девушка! Если бы ты направила десятую часть той энергии, которую тратишь на поддразнивание и третирование своей матери, на поиск мужа, то уже человек двадцать умоляли бы тебя выйти за них замуж.

У Ванессы сразу же испортилось настроение.

– Уже просят. Но ты же знаешь маму. Пока ты свободен, она не позволит мне принять предложение другого мужчины, ниже статусом. – Ванесса погрозила ему пальцем: – Так что женись, пожалуйста. На *ком угодно*, только не на мне. Или я точно умру старой девой.

– С тобой этого никогда не случится, и мы оба это знаем. – Грей прищурился, глядя на Ванессу. – Подожди-ка! Что, появился кто-то конкретный, на кого ты положила глаз?

Она покраснела, и это заставило его забеспокоиться. У Ванессы был ужасный вкус, если дело касалось мужчин.

– Кто он? – спросил Грей.

Она вздернула подбородок:

– Я не собираюсь тебе это говорить.

– Потому что знаешь: я не одобряю кандидатуру? А это означает, что он совершенно тебе не подходит.

– Все не так! Он – поэт.

Чтоб ему провалиться в тартарары! Поэт Ванессе был нужен не больше, чем самому Грею кулинарное мастерство. Опять вляпалась...

– *Знаменитый* поэт? – с надеждой спросил Грей.

Если у парня есть деньги, то все может получиться. Любому, кто женится на Ванессе, потребуется много денег, хотя бы для того, чтобы оплачивать покупки платьев.

Она опять развернулась и пошла в направлении гостиной.

– Будет знаменитым. С моей поддержкой и ободрением.

– Господи, помоги нам всем! – Грею было даже немного жаль поэта, кто бы он ни был. – Как я предполагаю, твоя мать его кандидатуру не одобрила.

– Можно подумать, я ей про него рассказывала, – фыркнула Ванесса, заходя в гостиную.

Личная горничная Ванессы сидела на канапе¹ с прямой спиной, ее лицо ничего не выражало. Несомненно, она уже привыкла к своей ветреной, живой и веселой хозяйке, с которой составляла резкий контраст.

¹ Канапе – диван для сидения, как правило, трех человек с обитыми тканью сиденьем, спинкой и подлокотниками. Такие диваны появились во Франции в период правления Людовика XV и были популярны в XVIII – XIX веках. – Прим. переводчика.

– Значит, до серьезной заинтересованности еще не дошло, – сделал вывод Грей и почувствовал облегчение от того, что не нужно разбираться еще и с этим вопросом. Он все еще надеялся успеть в клуб к Брайерли до того, как этот землевладелец оттуда уйдет.

– Да ни до чего еще не дошло! Как оно может дойти-то? – Ванесса взяла небольшой кекс и съела со своим обычным аппетитом. – Мама сосредоточила все свои усилия на том, чтобы выдать меня замуж за тебя, поэтому я не могу упротить ее отвезти меня ни одну из вечеринок... на которых может оказаться мой друг. Никуда! – Ванесса очень серьезно посмотрела на Грея. – А сейчас, после появления последних сплетен о тебе, она опять проявляет повышенное рвение. Мама на самом деле верит в ту чушь, которую о тебе говорят: будто ты возглавляешь тайное общество развратных холостяков.

Он фыркнул:

– Я никогда не стану возглавлять что-то такое скучное и предсказуемое. У меня нет ни времени, ни желания, а подобная организация требует слишком много усилий, учитывая необходимость проявлять осторожность, и людей, которые могут в таком обществе состоять. Надеюсь, ты ей сказала, что я предпочту сосредоточить свои силы и энергию на управлении своими поместьями.

– Сказала. Она мне не поверила. Она мне никогда не верит.

– Тем не менее она послала тебя сюда, чтобы добиться помолвки с главой тайного общества разврата. Где логика?

– После того как пошли эти слухи, ей еще больше захотелось выдать меня за тебя. М-да.

– Вероятно, она боится, что я потрачу все свои деньги на «беспутную» жизнь до того, как ты сможешь меня окольцевать и стать герцогиней.

– Она считает, что человеком с такими неконтролируемыми желаниями легко манипулировать. Ей следовало бы тебя лучше знать. Я-то тебя хорошо знаю. Ты контролируешь все! И управлять тобой невозможно. – Ванесса провела пальчиком по подбородку. – Но есть и еще один вариант: мама сама могла запустить слух про это тайное общество.

– С какой целью?

– Чтобы сделать тебя непривлекательным для других. Она надеется избавиться от моих конкуренток.

– Мне очень не хочется тебя разочаровывать, моя дорогая, но слухи о пороках и грехах мужчины крайне редко уменьшают количество конкуренток. Если твоя мать планировала именно это, то план был глупый. И этот слух еще раз подтверждает мое мнение о них: слухи – это только развлечение для тех, кому скучно и кто мается от безделья, и ничего больше. Если бы светские сплетницы направили хотя бы десятую часть той энергии, которую тратят...

– Знаю, знаю! Мы все – легкомысленные особы, и толку от нас никакого, – рассмеялась Ванесса. – Здравым смыслом обладаешь только ты.

Горничная смотрела на них, с трудом сдерживая смех. У герцога даже создалось впечатление, что она может лопнуть от этих усилий. Он печально посмотрел на Ванессу и спросил:

– Ты считаешь меня напыщенным и высокомерным, малыш?

– Хуже, – ответила она, но смягчила это обвинение улыбкой. – И на этой ноте я откланяюсь. – Горничная откашлялась, и Ванесса воскликнула: – Ой, чуть не забыла! У меня для тебя кое-что есть. – Она достала запечатанное письмо из ридикюля. – Пришло на наш адрес, а не на твой. Странно. Может, твоя мать откуда-то услышала, что тебя здесь не бывает неделями. Хотя для меня остается загадкой, почему она решила, будто *мы* часто с тобой видимся.

У него внезапно сдавило грудь.

– Ты прекрасно знаешь почему.

Ванесса вздохнула и придвинулась поближе к Грею, чтобы только он слышал ее слова.

– Разве можно так наказывать свою мать? – спросила она очень тихим голосом.

– Не говори глупостей, – ответил он легким тоном, чтобы скрыть нахлынувшее на него волной чувство вины. – Я ее не наказываю. Кроме того, у нее есть другие дети, и они прекрасно составляют ей компанию. Ей совсем не нужно, чтобы я сидел при ее юбке. А я не буду перед ней лебезить и заискивать.

– Да ты ни перед кем не будешь лебезить и заискивать, – фыркнула Ванесса. – Но ты наказываешь ее. Независимо от того, признаешь ты это или нет.

Сочувствие, которое он увидел в глазах Ванессы, заставило его пожалеть о том, что он вообще что-то сказал о своей матери.

Грей протянул руку за письмом, но Ванесса его не отдавала.

– Она тебя любит. Ты знаешь это?

– Знаю.

Что еще он мог сказать? Он тоже ее по-своему любил.

Грей уже собрался опустить письмо в карман сюртука, затем остановился. Конверт оказался очень тонким для послания от его матери. У него возникло нехорошее предчувствие, он разорвал конверт и прочел самое короткое письмо из всех, которые получал от матери:

Дорогой Грей!

С сожалением сообщаю тебе о кончине твоего отца. Похороны состоятся в Эрмитэдж-Холле во вторник.

С любовью,

мама

P. S. Пожалуйста, приезжай. Мне не справиться без тебя.

Грей тупо уставился на эти слова. Морис, единственный отец, которого он знал, скончался.

«Пожалуйста, приезжай. Мне не справиться без тебя».

Проклятье! Мать, наверное, в ужасном состоянии.

Его страдания и напряжение явно отразились на лице, потому что Ванесса вырвала письмо из его руки и прочитала, затем подняла на него полные ужаса глаза:

– О, Грей, это *ужасно*! Мне очень жаль.

– Спасибо, – пробормотал он, чувствовал он себя отвратительно. Грей почти не виделся с Морисом после того, как семья несколько месяцев назад вернулась из Пруссии. Он был зол на них и из-за этого не встречался ни с кем из них, а теперь стало уже слишком поздно.

Ванесса перечитывала письмо и хмурила брови.

– Морис... Это отец Шеридана, да? Как я понимаю, теперь он станет герцогом.

Грей дернулся от странной интонации ее голоса.

– Шеридан? Ты что, дружишь с ним? Вы же встречались только раз в жизни.

– На самом деле мы встречались трижды, – сказала Ванесса. – Мы даже два раза танцевали.

Ого! Шеридану следует проявлять осторожность, находясь рядом с Ванессой. Если она положила глаз на мужчину, то может впиться в него зубками и коготками.

– Только не говори мне, что он и есть тот «поэт», на которого ты имеешь виды.

Резкий тон Грея заставил Ванессу поднять на него глаза:

– Что за чушь ты несешь? У Шеридана в голове нет ни одной поэтической мысли.

Она была права, но откуда она это знает?

– Теперь его следует называть Эрмитэдж, раз он становится герцогом.

– И это еще одна причина, по которой мне не стоит проявлять к нему интерес. Я *никогда* не выйду замуж за герцога, несмотря на то что хочет мама. Вы все слишком... слишком...

– Напыщенные и высокомерные?

Ванесса поморщилась, словно поняла, что не стоит оскорблять человека, который только что потерял близкого родственника.

– Что-то в этом роде, – сказала она.

А когда он не ответил, Ванесса добавила:

– Определенно в *вашей* семье хватает герцогов.

– Так происходит, когда чья-то мама три раза удачно выходит замуж.

– После нее останется целая династия. Некоторые люди сказали бы, что она отлично умеет планировать свою жизнь.

– Уверяю тебя: она не планировала трижды становиться вдовой, – сказал Грей резким тоном.

Ванесса выглядела так, словно ее ударили.

– Конечно, нет. Прости, Грей. Я сказала это не подумав.

Он сжал переносицу двумя пальцами.

– Да, я понимаю. Просто... эта новость выбирала меня из колеи.

– Конечно, выбила! Если я могу тебе как-нибудь помочь...

Грей не ответил, он уже думал о Шеридане, которого недавно вспоминала Ванесса. Теперь Шеридан становился герцогом Эрмитэджем. А Морис успел побыть герцогом всего несколько месяцев – и теперь Шеридан вынужден принять эстафету и возложить на себя соответствующие обязанности. Наверное, у него голова кружится от всего случившегося. Грей должен отправиться в Эрмитэдж-Холл. Если и только для того, чтобы помочь Шеридану и матери организовать похороны во вторник.

Секундочку! Ведь сегодня воскресенье. Но *которое* воскресенье? Черт побери, неужели он уже пропустил похороны отчима?

– Когда пришло письмо? – спросил он у Ванессы.

– В пятницу, ваша светлость, – ответила горничная.

– Да, все правильно, – кивнула Ванесса. – В пятницу.

Эрмитэдж-Холл располагался рядом с городом Сэнфортом. Если лакей еще не успел упаковать его сундук, то Грей может прямо сейчас облачиться в траур и снова отправиться в путь через час. Он легко доберется до Линкольншира к завтрашнему дню.

– Мне нужно ехать, – сказал он и повернулся к двери.

– Я поеду с тобой, – объявила Ванесса.

– Не дури! – рявкнул Грей до того, как успела запротестовать горничная. – Ты, как обычно, отправишься домой и скажешь матери, что меня не застала. И на этот раз у тебя будет прекрасное оправдание. Скажешь, что меня уже оповестили о смерти отчима и я отбыл в Линкольншир. Поняла?

– Но... как тебя могли оповестить, если я только сейчас привезла письмо?

– Скажешь, что я уже получил такое же письмо на этот адрес, а тебе об этом сообщили слуги. – Грей уже переварил новость, и к нему вернулась его способность здраво мыслить и рассуждать. – И на самом деле оно могло прийти, я просто еще не успел разобрать почту. Мама должна была подстраховаться. Она должна была послать несколько писем.

«И независимо от того, в каком она была состоянии от горя», – добавил он про себя.

Ванесса положила руку ему на предплечье:

– Грей, нужно, чтобы кто-то был рядом с тобой. Ты очень расстроен.

– Со мной все будет в порядке.

«И будет, черт побери!»

– А теперь отправляйся домой. Мне нужно еще кое-что здесь сделать до отъезда.

– Конечно, – Ванесса кивнула горничной, и та встала с канapé. – Я сообщу маме о твоей утрате. Может, хоть на какое-то время она прекратит плести интриги.

– Почему-то я в этом сомневаюсь, – заметил Грей, склонился поближе к Ванессе и прошептал: – Будь осторожна со своим поэтом, моя дорогая. Ты заслуживаешь лучшего.

Она скорчила гримасу:

– Сомневаюсь, что теперь у меня есть вообще какой-то шанс. У тебя же траур. И мама не позволит мне встречаться *ни с кем* до тех пор, пока снова нельзя будет заняться тобой.

– Вот и хорошо. Не хочется мне думать о том, что ты можешь выйти за человека более низкого происхождения, пока меня нет рядом и я не могу этому помешать.

Ванесса высоко подняла голову и направилась к двери.

– Знаешь ли, замуж нужно выходить по любви. Честно говоря, иногда ты напоминаешь мне мою мать, в особенности когда говоришь о браке.

Выдав эту последнюю реплику-залп, она удалилась танцующей походкой. Горничная последовала за ней.

Да это же просто смешно! Он совсем не походил на тетю Кору, эту хваткую гарпию. Он просто разумный и здравомыслящий человек. Любовь никогда не вставала в его уравнения, потому что не имела стоимости в денежном выражении. Когда он все-таки женится, то выберет какую-нибудь разумную женщину, которая будет довольна получением титула герцогини и богатством, предоставленным в ее распоряжение, и не станет строить никаких воздушных замков. Она должна будет понимать, что не получит от него никаких бурных проявлений чувств, любви и прочей романтической чуши. Она не должна питать никаких подобных надежд.

Он научился оберегать свое сердце, и полученные им уроки были очень тяжелыми.

Глава 2

Линкольншир, Англия

Достопочтенная мисс Беатрис Вулф стояла перед Эрмитэджд-Холлом и критически осматривала главный вход в здание. На дверь повесили геральдический щит, как и принято, когда хоронят такого человека, как герцог Эрмитэдж, – и на этот раз, слава богу, не криво. Арки и окна были затянуты черным траурным крепом, как и подобает после кончины герцога.

Она не прилагала таких усилий после смерти дяди Эрми – они с братом Джошуа всегда так называли предыдущего герцога Эрмитэджа. У нее мороз пробежал по коже при воспоминаниях о последних годах жизни дяди Эрми – о том, как он пытался ее лапать и шлепал пониже спины, стоило ей зайти в комнату, где он находился.

В отличие от него, дядя Морис, унаследовавший титул после смерти дяди Эрми, относился к ней с уважением и по-доброму. Благодаря ему и тете Лидии в этом доме снова стал звучать смех. Все стало так, как было в старые добрые времена. Жизнь снова казалась прекрасной.

Но теперь в доме опять царила смерть. На глаза навернулись слезы. Ведь они всего неделю назад сняли черный траурный креп с окон и геральдический щит с двери, всего неделю назад закончился официальный траур по дяде Эрми! Два герцога умерли с разницей в несколько месяцев. Это ужасно, черт побери. На самом деле ужасно.

В дверном проеме появился ее кузен Шеридан. В последние несколько дней он больше походил на тень самого себя. Он был очень близок с отцом и тяжело переживал его смерть. Труднее сейчас, наверное, было только тете Лидии. Несомненно, эта новость принесет и сильную боль брату Шеридана Хейвуду, но он служит в армии и, вероятно, еще не успел получить сообщение о смерти отца. Поэтому Беатрис не знала, как он отреагировал или отреагирует на эту новость.

Шеридан печально улыбнулся ей:

– Прости за беспокойство, Беа, но мама снова попросила меня узнать, не приехал ли Грей. – Он посмотрел на подъездную дорожку за ее спиной. – Вижу, что не приехал. Если бы он появился, то перед домом уже стояла бы его роскошная карета. Это чудовище, в котором он путешествует.

Беатрис рассмеялась. Ей нравился кузен Шеридан. Ему недавно исполнилось двадцать восемь лет – всего на два года ее старше! – и она чувствовала себя с ним комфортно. Никто из семьи никогда не держался чопорно, они не любили формальностей и не отличались строгим соблюдением этикета, в особенности Шеридан. Но в ближайшее время все может измениться.

– Скоро у тебя самого появится огромная роскошная карета. Ты же теперь герцог Эрмитэдж.

– На самом деле может и не появиться. – По лицу Шеридана пробежала грусть. – Боюсь, что дела у нас идут не лучшим образом. Денег на роскошные кареты просто нет. Если повезет, я смогу поправить наши дела, но на это потребуется время. И я не ожидал, что так быстро стану наследником.

– Я знаю. Мне очень жаль. Как там тетя Лидия?

Он вздохнул:

– Не очень хорошо. Случившееся застало нас всех врасплох. – Шеридан перевел взгляд на лес, простиравшийся за широкими лугами, и напрягся: – Э-э-э... твой брат собирается на похороны?

Она сглотнула. С Джошуа всегда было трудно, и это еще мягко сказано.

– Уверена, что он придет.

Это была ложь. Она ни в чем не была уверена, если речь шла о Джошуа. Но казалось, что ее слова вызвали облегчение у Шеридана.

– Очень хорошо. А то мы редко его видим. Хотелось бы почаще.

– Я сама бы его не видела, если бы не жила с ним в одном доме. Джошуа избегает людей.

Не то чтобы Беатрис его винила за это, учитывая все известные ей обстоятельства. Но в данном случае она сделает все от нее зависящее, чтобы заставить его пойти на похороны. Он обязан присутствовать. Это самое меньшее, что он может сделать для новых обитателей Эрмитэдж-Холла.

В особенности для Шеридана, нового хозяина и землевладельца, который в любой момент может вышвырнуть их из дома, вообще-то предназначенного для вдовствующей герцогини. Стоит Шеридану только захотеть! Ведь теперь его мать стала вдовствующей герцогиней, и она вполне может решить переселиться в этот дом, который становился ее по праву.

Беатрис не хотелось об этом думать.

– Что я могу еще сделать, чтобы помочь тете Лидии?

– Поколдовать – чтобы мой единоутробный брат Грей внезапно возник у нас на пороге, появился из воздуха. – Шеридан провел пятерней по своим пепельно-каштановым выющим волосам. – Прости. Это была неудачная шутка.

– Я уверена, что он скоро приедет.

Шеридан печально усмехнулся:

– А я нет. Я даже не уверен, что он получил мамины письма. Иногда мне кажется, что мой брат вообще забыл о том, что у него есть семья. Он очень занят, изображая из себя такого важного герцога Грейкурта, черт его подери.

Беатрис не знала, что на это ответить. Хотя она никогда в жизни не видела этого «важного герцога Грейкурта, черт его подери», она читала газеты, в которые попадали скандальные истории, связанные с герцогом, и была уверена, что он ей не понравится. Для начала говорили о нескольких романах с женщинами, на которых он даже не думал жениться, причем каждая следующая подружка Грея была красивее предыдущей. Только одно это вызывало у Беатрис настороженность. Такое поведение напоминало ей о дяде Эрми.

– В газетах пишут правду о твоём брате? – спросила она у Шеридана. – О том, что он возглавляет тайное общество развратных холостяков?

– Если честно, я не знаю. Грей нам ничего не рассказывает о своих делах. Он вполне может руководить и благотворительными обществами.

– Сомневаюсь, – пробормотала она, потом поняла, что оскорбила его брата, и быстро добавила: – Это дело с тайным обществом кажется мне высосанным из пальца. Почему оно вообще тайное? Герцог с его неприкосновенностью может делать все, что пожелает. Так почему бы не организовать постоянно действующее общество для желающих предаваться разврату и устраивать оргии? И вообще какие могут быть цели у тайного общества? Судя по тому, что я читала, это клуб. Это на самом деле клуб? Я имею в виду...

До Беатрис дошло, что она увлеклась и, как обычно, заболталась. Шеридан смотрел на нее с улыбкой: ему было забавно. А ей пора остановиться.

– В любом случае герцоги всегда являются членами каких-то клубов. Значит, это, вероятно, просто клуб, – закончила она.

«И тот, в который не пускают простолюдинов, – добавила она про себя. – У герцогов хорошо получается держаться подальше от простых людей».

Судя по тому, что Беатрис слышала про Грейкурта, он вообще плевал на всех. Он был богат как Крез, так что мог себе позволить членство в любом клубе, стоило только захотеть. Предположительно он разбогател в результате операций с недвижимостью, действовал всегда жестко и безжалостно и мог уничтожить любого, кто вставал у него на пути. Может, именно поэтому общество и ловило каждое его слово. Или, возможно, потому, что он вообще редко что-то говорил, а если говорил, то по делу и только что-то важное.

Несмотря на беспокойство о тете, Беатрис все-таки надеялась, что Грейкурт не приедет. Подобные ему мужчины раздражали ее, хотя здесь она их почти не видела. Но те, которых она встретила благодаря дяде Эрми, оставили не самое лучшее впечатление.

Шеридан тяжело вздохнул.

– Прости меня, – сказал он. – Я выплеснул на тебя свое раздражение на брата. Я не хотел. Ты столько сделала, чтобы нам помочь. – Он махнул рукой на окна: – Все это. Организация похорон. Ты занимаешься и приходно-расходными книгами. Что бы мы без тебя делали?

Ей было очень приятно услышать эту похвалу, на душе сразу потеплело. Может, Шеридан и не выгонит их с Джошуа.

– Спасибо. Мне приятно вам помочь.

В особенности тете. Тетя Лидия отличалась от всех женщин, которых когда-либо встречала Беатрис, – она была полна энергии и жизненной силы, при этом отличалась острым умом и добрым сердцем. Как и Шеридан.

Он кивнул на входную дверь:

– Пойду назад. Мама хочет, чтобы я выбрал костюм для погребения. – Он непроизвольно сглотнул. – Она говорит, что сама не в состоянии это сделать.

Несчастный!

– Я понимаю. Ты хороший сын.

– Пытаюсь быть хорошим сыном. – Он снова бросил взгляд на подъездную дорожку, и выражение лица у него стало жестким. – А если говорить о сыновьях... Дай мне знать, когда придет Грей. Сразу же.

– Не беспокойся. Сразу же сообщу.

Он уже пошел в дом, но внезапно остановился и повернулся:

– Еще одно. Мама просила тебе передать, что и дальше будет помогать тебе готовиться к выходу в свет. Только сейчас дело пойдет медленнее.

– О! – Беатрис совсем забыла об этом. – Скажи ей, чтобы не беспокоилась. Не нужно сейчас об этом думать, ради всего святого! Со мной все будет в порядке.

– На самом деле для мамы будет лучше, если она займется каким-то проектом. И она в ужасе от того, что у тебя никогда не было возможности быть представленной светскому обществу должным образом. Она намерена это исправить.

– Очень мило с ее стороны.

Хотя это также пугало Беатрис. Она гораздо комфортнее чувствовала себя в лесу с охотничьими собаками, чем в бальном зале. Она ненавидела, когда мужчины осматривали ее оценивающим взглядом – ее одежду не по последней моде, ее маленькую грудь, совсем неидеальные черты лица. Потом они обычно отменяли ее кандидатуру, как вообще не стоящую их внимания.

– Мама делает то, что считает правильным, – Шеридан с беспокойством наблюдал за изменениями в выражении ее лица, он беспокоился о ней так, как брат должен о сестре. – Мы все знаем, что дядя Эрми не выполнил свой долг в отношении тебя. Он вообще небрежно относился к чувству долга, понимал его расплывчато и неопределенно.

– Спасибо.

Если они думают, что это было только «небрежное» отношение, «расплывчатое и неопределенное понимание», то они даже не представляют, как она на самом деле жила с ним. И очень хорошо, что не представляют. Не нужно им этого знать.

Беатрис задержала дыхание, молясь, чтобы Шеридан больше ничего не сказал про дядю Эрми. Она расслабилась только после того, как он скрылся в доме. Следующие несколько недель они все будут мешаться у нее под ногами, и выдержать это может оказаться сложнее, чем она думала. Беатрис надеялась, что из-за смерти дяди Мориса они все будут очень заняты

и не станут совать нос в ее дела. И дела Джошуа. В особенности дела Джошуа, в которые у нее самой не хватало смелости сунуть нос, а тем более внимательно изучить.

Она отправила эту мысль в дальний уголок сознания, еще раз осмотрела здание с улицы, потом пошла внутрь. Там она отправила одного из слуг завешивать зеркала. Это уже давно следовало сделать, но в эти дни в Эрмитэдж-Холле не хватало слуг, поэтому требовалось много времени, чтобы сделать все как нужно в таком огромном доме.

После этого Беатрис занялась коробками с печеньем, которое традиционно подают на похоронах. Коробки только сегодня привезли из кондитерской. Печенье следовало выложить на столе в прихожей, чтобы угостить тех, кто придет попрощаться с дядей Морисом. Выходя из дома, они будут брать это печенье и присоединяться к траурной процессии. Беатрис раскрыла все коробки и стала раскладывать печенье. Каждое было обернуто белой бумагой с изображением какого-то символа, связанного со смертью, бумагу склеивали черным воском.

Она содрогнулась при виде такого количества черепов, гробов, песочных часов с тонкой средней частью и перекрещенных костей, но все-таки выложила все печенье на стол, как требовалось. Потом она погрузилась в воспоминания. Когда умер отец, ей было десять лет и она чувствовала отчаяние и пустоту в душе. Она вспоминала его похороны и не слышала приближавшиеся к ней шаги. Беатрис резко дернулась, когда низкий мужской голос прозвучал у нее над ухом:

– Что это за мерзость, ради всего святого?!

Она повернулась и увидела незнакомого мужчину, все еще в пальто и шляпе, которые он не успел снять. Его пронзительный взгляд был направлен на стол у нее за спиной. Вероятно, это и был герцог Грейкурт, поскольку его траурные одежды явно шил дорогой портной и из очень качественного материала. Беатрис также заметила его внешнее сходство с Шериданом – орлиный нос, глаза цвета зеленого бутылочного стекла и высоко расположенные брови.

И это не говоря про рост. Хотя Беатрис считалась высокой для женщины, Грейкурт был выше ее как минимум сантиметров на десять, если не на пятнадцать. Его рост, одежда и суровые черты лица впечатляли и, несомненно, пугали большинство женщин.

Но только не ее. Она привыкла иметь дело с высокомерными и надменными лордами.

Грейкурт перевел свой ледяной взгляд на нее.

– Ну? – спросил он. – Что это?

– Печенье, которое принято подавать на похоронах, – холодно ответила Беатрис, обескураженная его манерами. – В нашей местности прощающимся традиционно подают такое печенье и стакан портвейна.

– Правда? – сказал он, снимая дорогую касторовую шляпу². – Или это придумал местный гробовщик, чтобы еще увеличить счет, выставляемый людям типа моей матери? Я никогда не слышал про такую традицию.

– Если *вы* не слышали про какую-то традицию или обычай, это совсем не означает, что их не существует, – заметила Беатрис, не в силах сдержать раздражение. – Все, что происходит не в Лондоне, не имеет значения для таких людей, как вы, правда?

Ее слова ошеломили его, как и следовало ожидать. Только ей не следовало говорить ничего подобного человеку, у которого горе. Почему, почему она высказала ему то, что думает? Обычно Беатрис сдерживалась, но это оказалось сложно с этим герцогом, которого хотелось послать в задницу.

² Касторовые шляпы шили из шерстяного сукна, которое, в свою очередь, изготавливалось из шерсти бобра. Название происходит от слова «бобер» на латыни (castor). На протяжении трех веков они считались символами респектабельности и высокого социального статуса. – *Прим. переводчика.*

«Нельзя произносить слово “задница” даже мысленно», – отругала она себя. Благодаря брату это стало еще одной ее проблемой: она ругалась как матрос. По крайней мере, она сейчас не выругалась вслух.

К ее удивлению, в глазах у неожиданно появившегося мужчины загорелись искорки: ему стало забавно. Эти глаза теперь неотрывно смотрели на нее, и Беатрис поняла, что они не зеленые, а скорее голубые с зеленоватым отливом, будто природа позабавилась, соединив голубой цвет глаз его матери с зеленым единоутробного брата, и в результате получился невероятный оттенок, который больше ни у кого не встретишь в этом мире. Только у него!

Этот взгляд беспокоил ее и заставлял волноваться. Грейкурт улыбнулся ей разоружающей улыбкой, которая смягчила суровые черты его лица.

– Насколько я понимаю, вы не дочь местного гробовщика, за которую я вас принял?

На этот раз Беатрис сдержалась с большим трудом, чтобы не обругать его. Дочь гробовщика, ради всего святого?! Да будь он проклят!

– Нет, – ледяным тоном ответила она.

Он улыбнулся еще шире, хотя улыбка не дошла до его глаз.

– Вы не собираетесь говорить мне, кто вы?

– Вы определенно предпочитаете делать собственные выводы и предположения.

Боже, она опять сказала первое, что пришло ей в голову!

Грейкурт рассмеялся.

– Значит, будем играть в отгадайку?

Он быстро оглядел ее с головы до пят и оценил ее наряд, при этом у нее не возникло неприятных ощущений, которые бывали, когда мужчины пялились на ее женские прелести, если вообще можно было говорить о «прелестях» в ее случае. Но Грейкурт не пялился, он оценивал.

– Ну, вы определенно не из слуг. Ни одна служанка так хорошо не одевается.

– Вы очень добры, сэр, – сказала она полным сарказма голосом.

Услышав этот тон, он рассмеялся.

– Скажите же мне, кто вы? Не могу догадаться. И начинаю думать, что мне хочется узнать ответ.

Ого!

В это мгновение ее спасло появление Шеридана.

– Грей! – закричал он. – Ты все-таки приехал! Мама будет так рада.

Грейкурт хлопнул единоутробного брата по плечу. Сразу было видно, что он его любит.

– Как она?

– Ей точно станет лучше, раз ты приехал, – вздохнул Шеридан.

Что это промелькнуло на лице Грейкурта? Чувство вины? Если так, то стоит быть к нему помягче. По крайней мере, Беатрис стала относиться к нему чуть-чуть лучше. Только чуть-чуть!

– Я бы приехал раньше, но я путешествовал и получил письмо только вчера, – сказал Грейкурт.

Шеридан повернулся к Беатрис, чтобы включить и ее в разговор:

– Видишь, Беа? Я же говорил тебе, что у него могли возникнуть сложности с получением сообщения.

– Да, было дело, – кивнула она. Шеридан говорил ей не только это, но она считала неразумным напоминать ему об этом, даже если Грейкурт вывел ее из себя и не пришлось ей по вкусу.

– Насколько я понимаю, вы познакомились? – спросил Шеридан.

– Нет, официально мы не были представлены друг другу, – ответил Грейкурт и бросил на нее косой взгляд, явно выражая неудовольствие, что привело ее в замешательство.

– Ну, тогда это сделаю я, – объявил Шеридан. – Беа, ты уже явно поняла, что это мой брат Грей.

– Единоутробный, – поправил его Грейкурт. – У нас только общая мать.

Шеридан нахмурился:

– Тебе обязательно нужно было это подчеркнуть?

– Если бы я этого не сделал, дама могла бы запутаться. Поскольку ты теперь наследуешь титул и становишься герцогом Эрмитэджем, она могла бы подумать, что я гораздо моложе, чем выгляжу, или незаконнорожденный. На самом деле ни то, ни другое. Поэтому я решил, что лучше сразу же прояснить положение вещей.

– Не беспокойтесь, сэр, – сказала Беатрис, мило улыбаясь Грейкурту. – Не все из нас делают выводы, не имея достаточного количества фактов.

– Правда? – произнес Грейкурт с манерной медлительностью. – Очень необычно.

– Если бы ты дал мне время представить вас друг другу, *брат*, то я бы пояснил моей кузине, кто ты, – едко заметил Шеридан.

После этих слов Грейкурт побледнел, к большому удовольствию Беатрис. Она была очень довольна!

– Кузине? Это дочь твоего дяди Эрми?

– Нет, его младшего брата Ламберта. Он умер много лет назад.

– Понятно. – Грейкурт посмотрел на Беатрис: – Простите мою грубость и невежливость, мисс Вулф. Я и не знал, что у Шеридана и Хейвуда имеется кузина.

– На самом деле кузина и кузен, – вставил Шеридан. – Брата Беатрис зовут Джошуа. – Потом он моргнул: – А ты что, нагрубил Беатрис?

– Это мелочи, – сказала Беатрис с натянутой улыбкой. – Герцог выразил недовольство печеньем, которое приготовлено для прощающихся. И все.

Грейкурт внимательно посмотрел на нее, его глаза блеснули. Очевидно, он понял, что она не приняла его извинений или их было недостаточно.

– Да, оно ужасное, – кивнул Шеридан. – Но гробовщик заверил нас, что такое печенье обязательно подают на всех похоронах в Сэнфорте.

– Правда? – Грейкурт многозначительно посмотрел на Беатрис, и от этого взгляда она опять завелась.

– Поверьте мне: если перед отправкой похоронной процессии не подали печенье и портвейн, то все графство будет сплетничать о семье, и эти разговоры долго не утихнут, – ледяным тоном сообщила Беатрис.

– Да, все наши слуги сказали то же самое, – кивнул Шеридан. – Повариха вообще пришла в ужас от одной мысли, что мы можем их не подать. Но я все равно думаю, что это печенье ужасно. Прости, Беа.

– Да, выглядит жутко, – согласилась она, разрываясь между желанием сказать приятное кузену и желанием высунуть язык, глядя на Грейкурта. Это, конечно, было бы ребячеством, но принесло бы ей огромное удовольствие. – После похорон моего отца осталось столько этого печения, что и мы, и слуги ели его несколько месяцев. Я до сих пор не забыла его вкус. Отвратительный!

Жалость, появившаяся в глазах Грейкурта, заставила ее задуматься, не сказала ли она много лишнего. Где-то в глубине души он, наверное, был хорошим и порядочным человеком – где-то *очень* глубоко! – но ей все равно не нравилось, что он ее жалеет.

– Да, раз мы вспомнили слуг, – Шеридан обвел взглядом прихожую, – а куда лакей делся? Бедняга Грей до сих пор держит шляпу в руке.

– О боже! – воскликнула Беатрис, злясь на себя за то, что не позвала никого из слуг. Неудивительно, что Грейкурт принял ее за простолюдинку. За деревенщину! – Я возьму его пальто и шляпу.

Но она не успела даже протянуть за ними руку – ее остановил Шеридан.

– Не нужно. Я сам все сделаю, – сказал он и повернулся к Грейкурту: – Беа работает с утра до ночи, помогает нам подготовиться к похоронам. Слуг не хватает, а она лучше всех знает, что нужно делать.

– Очень мило с вашей стороны, мисс Вулф, – произнес Грейкурт и вроде бы даже имел в виду то, что сказал.

Может, она слишком поспешно составила свое мнение о нем? Может, не стоило так строго его судить? Когда он не делал предположений, то оказывался не так уж и плох.

В прихожую вбежал лакей:

– Простите, ваша светлость, мы все находились в задней части дома и не слышали, как подъехала карета.

Он быстро подошел к Грейкурту и забрал у него пальто и шляпу. После этого лакей повернулся к Шеридану и объявил:

– Подобное больше не повторится, ваша светлость.

– Не переживай по этому поводу, – миролюбиво ответил Шеридан. – Я знаю, что сейчас у всех в доме полно дел.

Когда лакей ушел, Грейкурт обратился к Шеридану тихим голосом:

– Будь осторожен. Теперь ты здесь хозяин. Ты же не хочешь, чтобы твои слуги вили из тебя веревки? Или ноги об тебя вытирали? С самого начала нужно установить границы.

Эти слова напомнили Беатрис, почему он ей не понравился и вывел ее из себя. Да, внешне он был привлекательным: ровные белые зубы, тонкие черты лица, густые, хотя и взлохмаченные черные волосы и великолепные глаза, но при этом он был еще и редкостным ублюдком, считающим, что весь мир принадлежит ему. Герцог Грейкурт ей никогда не понравится.

Никогда.

Глава 3

Шеридан сказал, что идет к их общей матери, и Грей захотел составить ему компанию, в особенности если с ними пойдет мисс Вулф.

Большинство представителей высшего общества отнеслись бы с неодобрением к ее внешнему виду, потому что она определенно не чуралась солнца, а, наоборот, любила его и ловила его лучи, судя по золотистому оттенку кожи и веснушкам, рассыпанным по щекам-персикам. Сплетницы стали бы критиковать ее уверенную походку и обсуждать полные, чувственные губы, глаза цвета кофе, и это не упоминая пряди прямых волос орехового цвета, выбившиеся из прически. Прямые волосы и темные глаза сейчас были не в моде.

Но Грей никогда не гонялся за модой и не руководствовался ею. От мысли о том, как было бы неплохо расплести эту прическу и посмотреть, куда доходят ее волосы, ему стало жарко. Он почувствовал, как пульсирует кровь, и понимал, что ведет себя неразумно. Но ничего не мог с собой поделать! Он думал об энергичности и жизненной силе мисс Вулф и о том, какая она в постели – с такой-то энергией! И ему от этих мыслей стало еще жарче. Она шла впереди него, направляясь к лестнице, а Грей не сводил взгляда с ее аппетитных ягодичек и думал о том, как было бы приятно сжать их обеими руками.

А вот при виде ее вздернутого носика ему хотелось смеяться. Она определенно не одобряла его поведение. Она вообще явно осуждала его, что было неудивительно с его репутацией, кстати совершенно неоправданной. Да, в молодости он вел разгульную жизнь – в первые годы свободы, когда вырвался из-под опеки тети и дяди, которые постоянно его контролировали.

Но это было давно. И вел он распутный образ жизни гораздо меньшее количество лет, чем жил с соответствующей репутацией, заработанной в молодые годы. Судя по реакции мисс Вулф, ему до сих пор не удалось избавиться от сложившегося мнения о нем. Тем не менее обычно от этого в отчаяние впадали мамы, пытающиеся удачно пристроить дочек. Но не сами дочери.

При этой мысли он задумался о том, где же мама этой крошки. И почему он раньше не знал про эту ветвь семьи Вулф? Хотя удивляться не следовало, учитывая, как мало он виделся с родственниками за последние двадцать с лишним лет. А до этого он обращал еще меньше внимания на родственников своего отчима Мориса, развлекаясь на улицах Берлина с младшими единоутробными братом и сестрой, двойняшками Гвин и герцогом Торнстоком, которого они все с рождения называли Торн.

Кстати...

– А где Гвин? Торн уже приехал?

– Вчера вечером, – ответил Шеридан. – К счастью, Торн находился в своем лондонском доме, когда произошел несчастный случай, так что смог быстро сюда добраться.

– Несчастный случай? – Грей нахмурился. – Мама только написала, что Морис скончался. Я предположил, что из-за какой-то болезни.

К его удивлению, Шеридан украдкой взглянул на мисс Вулф.

– На самом деле он утонул, и из-за этого потребовалось вызывать бальзамировщика из Лондона. Поговорим об этом позднее.

С этими словами Шеридан стал подниматься по лестнице вслед за мисс Вулф.

Чуть ранее Шеридан жаловался на нехватку слуг, поэтому, услышав про бальзамировщика, Грей на мгновение замер на месте. Мисс Вулф поднималась по лестнице впереди них.

– У вас сейчас не хватает денег? – спросил Грей у Шеридана тихим голосом.

– Сейчас? – брат горько усмехнулся, открыл дверь в гостиную и пропустил вперед Грея и мисс Вулф. – Нам это тоже нужно будет обсудить, но позднее.

На этот раз он многозначительно кивнул в дальний конец комнаты. Грей проследил за его взглядом и увидел свою мать во вдовьем траурном платье. Рядом с ней сидела Гвин в похожем платье из черного бомбазина. Обе женщины завязывали черные ленточки на веточках розмарина. В комнате пахло розмарином и лавандой, которые стояли в многочисленных вазах.

Затем Шеридан пошел вперед, и Грей наконец заметил гроб. У него задрожали руки, и он сунул их в карманы сюртука. Морис. Грей не мог заставить себя к нему приблизиться. Пока не мог.

Вместо этого он обратил внимание на мать и единоутробную сестру, которые так увлеклись своим занятием, что его не заметили. У матери ввалились глаза, лицо посерело, ее обычная радостная улыбка не играла на губах. Грей хорошо помнил, как Морису удавалось заставить ее улыбнуться, даже если она была раздражена или недовольна им. Сегодня Морису не удастся вызвать у нее улыбку. Грей почувствовал комок в горле. Никогда больше у него это не получится.

Тем не менее, когда к женщинам подошла мисс Вулф и спросила, не требуется ли им помощь, мать Грея все-таки улыбнулась, хотя у нее получилось только жалкое подобие ее обычной улыбки.

– Мы почти закончили, – сказала она. – Но все равно спасибо. Я не знаю, что бы мы делали без тебя, моя дорогая.

И в эту минуту она увидела Грея. Она вскрикнула, сглотнула рыдание, вскочила и побежала к нему, чтобы обнять. Уловив знакомый запах крахмала и лимонов, он опять почувствовал комок в горле. На него нахлынули воспоминания, которым он не смел предаваться сейчас. Нельзя было себе это позволить, ведь тогда он станет думать о том, что потерял и пережил в детстве, а подобные мысли всегда затягивают, как трясина.

– Я так рада, что ты приехал, – прошептала мать. – Я боялась, что...

– Ну, я здесь. Тебе не следовало волноваться.

Грей коснулся губами ее рыжих локонов и выпустил ее из объятий.

Ее *седящих* рыжих локонов. Это напоминание о возрасте матери словно ударило его под дых. Да, ей было всего пятьдесят с небольшим, но сколько времени пройдет перед тем, как они снова соберутся здесь, чтобы проводить *ее* в последний путь? От этой мысли сердце на мгновение прекратило биться у него в груди. На протяжении всей своей жизни он так мало времени находился рядом с ней.

Затем Грей увидел, как по ее осунувшимся бледным щекам текут слезы, и это был еще один удар в живот. Он много раз видел свою мать плачущей – она была эмоциональной женщиной и не считала нужным скрывать свои чувства, в особенности если пьеса, которую она смотрела, или роман, который читала, вызывали сильные эмоции. И со своими детьми она была точно такой же – смеялась, ругалась на них, в общем, изливала на них свои чувства. И такой она была всегда.

Но *эти* слезы лились совсем не потому, что ее растрогало или взволновало какое-то стихотворение. И именно поэтому у Грея все скрутило внутри. Он сунул свой платок матери в руку.

– Мама, мне очень жаль, что Мориса больше нет.

Она закивала, не в силах произнести ни слова, затем вытерла щеки его платком.

– Если я могу что-то сделать...

– Для разнообразия ты можешь называть его отцом. – Она посмотрела на старшего сына заплаканными голубыми глазами, которые казались помутневшими. – Он очень расстраивался, что ты перестал его так называть после того, как переехал в Англию.

«Ты хотела сказать: после того как меня *изгнали* в Англию», – поправил он ее про себя, но сейчас было не время для подобных напоминаний. И разве ему сложно сделать то, о чем она просила? Это такая мелочь.

Хотя это не казалось ему мелочью. И придется прилагать усилия.

– Конечно. Все, что ты хочешь.

Мать вздохнула:

– Прости мне мою резкость. Просто...

– У тебя горе. Я знаю. – Он взял ее руку в свою. – Тебе позволительно быть резкой.

Главное – чтобы тебе стало легче.

Она вопросительно приподняла брови:

– Я припомню тебе эти слова через неделю, когда ты скажешь, что хочешь уехать из-за моей ворчливости или сварливости.

Грей заставил себя улыбнуться, но внутренне застонал. Мать ожидает, что он пробудет здесь целую неделю?

– Я видел тебя разной, мама, но ты никогда не была ни ворчливой, ни сварливой. – Грей заметил, что к ним приближается его единоутробная сестра, которая закончила разговор с мисс Вулф в другой части комнаты. – А вот Гвин – совсем другое дело.

Сестра услышала его последние слова, как он и хотел.

– Лучше не говори обо мне ничего плохого, а то пожалеешь. Я тебе покоя не дам из-за того, что так долго ехал, – заявила она. – Я уже собиралась Торна за тобой посылать, но испугалась, что вы отправитесь куролесить по лондонским публичным домам и мы никогда больше не увидим вас обоих.

Он проигнорировал эту колкость, наклонился, поцеловал ее в щеку, потом обвел взглядом комнату.

– Кстати, а где Торн?

– Понятия не имею. Ты же знаешь, что он везде находит девушек и выпивку, куда бы ни поехал. Несомненно, что это ты научил его этому мастерству.

Они проводили вместе очень мало времени, поэтому Гвин не представляла, какой он на самом деле.

– Ничего подобного, – заявил Грей.

Гвин оглядела его скептически. Это для нее было обычным делом.

– Тогда почему папа всегда беспокоился, что ты собьешь Торна с пути истинного здесь, в Англии?

– Не знаю. Торн сам способен сбиться с пути истинного без чьей-либо помощи, что Мори... *отец* должен был бы знать. И, несмотря на всю ту чушь, которую ты, вероятно, читала в газетах, я не Торн. Я не провожу время в публичных домах.

– Хм. По мне, так мужчина слишком рьяно протестует.

– Не надо цитировать ему Шекспира³, – жалобно попросила их мать. – Или он станет дразнить меня и насмехаться надо мной, цитируя Флетчера⁴.

– Я никого не дразню и не насмехаюсь над тобой, мама, – ответил Грей, испытывая облегчение от того, что они сменили тему и больше не обсуждают его предполагаемое распутство. – Я просто думаю, что ты несправедливо переоцениваешь нашего предка. Лучший драматург – Шекспир, и ты это знаешь.

– Ничего подобного! Флетчер написал несколько самых захватывающих и остроумных пьес из когда-либо созданных на английском языке. Я всегда смеюсь, когда смотрю «Охоту за охотником».

– Ты видишь, что из-за тебя началось? – улыбнулась Гвин. – Это ты виноват. Она вскоре начнет сцены перед нами разыгрывать.

³ Гвин немного изменила фразу королевы Гертруды из «Гамлета»: «По мне, так леди слишком рьяно протестует». – Прим. переводчика.

⁴ Имеется в виду английский драматург Джон Флетчер (1579–1625). – Прим. переводчика.

– Прости, сестренка, но начала все это *ты*, – заметил Грей. – Я просто стою здесь и защищаюсь.

К ним подошел Шеридан.

– Что еще натворил Грей? – спросил он.

Раздражение на лице их матери смягчилось.

– Ничего. Сегодня он ничего не может сделать не так.

Грей опять почувствовал комок в горле.

– Это приятно слышать, – вежливо произнес Шеридан. – Потому что мне нужно его у вас ненадолго украсть.

Мать крепко сжала руку Грея.

– Это обязательно? – спросила она у Шеридана. – Он же только что приехал.

– Боюсь, что да, – ответил Шеридан. – Но у тебя будет предостаточно времени для общения с ним. Он планирует какое-то время пожить в Эрмитэдж-Холле. – Шеридан посмотрел на Грея с самым серьезным видом: – Планируешь, да?

Черт побери!

– *Теперь* планирую. – Грей прищурился, глядя на брата. – Скажи мне точно, сколько времени я тут собираюсь провести?

– Мы это как раз обсудим. – Шеридан кивнул на дверь: – Пошли?

Грей быстро сжал руку матери и сказал:

– Я скоро вернусь, мама. Пусть стул для меня стоит рядом с твоим, хорошо?

Затем он вышел из комнаты вслед за братом и пошел по коридору в направлении кабинета Мориса.

После того как Грей уселся, Шеридан налил им обоим бренди и вручил Грею его стакан. Шеридан не стал сразу садиться и какое-то время молча смотрел в янтарную жидкость.

– Что у вас с финансами? – наконец спросил Грей. – Я буду рад оплатить похороны и предоставить тебе заем на тех условиях, которые ты...

– Я не о деньгах хочу поговорить. По крайней мере, пока не о них. – Шеридан сделал небольшой глоток бренди, затем посмотрел на брата: – Я хотел обсудить смерть отца. То, как он умер.

– Он утонул.

Шеридан встретился с ним взглядом:

– Да, но это был не несчастный случай. Я думаю, что не был.

– Что ты имеешь в виду, ради всего святого?

– Я считаю, что отца убили.

Грей сделал большой глоток бренди, потом еще один.

– А что именно заставило тебя прийти к *такому* выводу?

– Несколько вещей. В первую очередь детали, связанные с его смертью. Он утонул, очевидно упав в реку с моста рядом с вдовьим домиком...

– В этом поместье имеется дом для вдовствующей герцогини?

– Да, и там после смерти моего деда живут Беа и ее брат Джошуа.

Грей предполагал, что мисс Вулф приехала только на похороны, но получалось, что она постоянно обитает где-то неподалеку от главного дома. Странно, что он не видел ее во время двух своих предыдущих визитов сюда.

– Где именно находится этот дом? – уточнил Грей.

– В нескольких милях отсюда, в другой части поместья. Бабушка и Беа жили там большую часть времени, пока Джошуа служил в Королевских ВМС, в морской пехоте. Кстати, он майор. Он был ранен и после этого отправлен в отставку. Дядя Эрми предложил Джошуа жить здесь и работать в поместье старшим егерем. И он так и работает уже несколько лет, начав еще до смерти бабушки.

Грей нахмурился:

– Егерем? Внук герцога? Ради всего святого, это не занятие для джентльмена.

– Согласен. Но насколько я понимаю, у него не было особого выбора после возвращения с войны. Ему требовалось время, чтобы восстановиться после ранения. Кстати, он так и хромает и ходит с тростью. Он избегает толп людей, и я боюсь, что... ну... у него не все в порядке с головой. Например, у него взрывной характер. Он легко выходит из себя, часто срывается, бурно на все реагирует.

– Такое случается с людьми, побывавшими на войне, – заметил Грей, а потом до него внезапно дошло, что всем этим хотел сказать Шеридан. – Ты подозреваешь *Джошуа Вулфа* в...

– Да, подозреваю. Боюсь, что мой кузен мог убить моего отца.

Глава 4

Четко прозвучавшие слова повисли в воздухе, словно дух Мориса вдруг прилетел в комнату, которую он использовал как свой кабинет. У Грея по спине пробежал холодок, потом он быстро взял себя в руки. Привидений не существует, черт побери! Грей поставил на стол стакан с бренди.

– Значит, его убил твой *хромой* кузен?

– Выслушай меня. – Шеридан уселся на стул рядом с Греем, выглядел он мрачно. – Отец в тот вечер оказался на мосту только потому, что Джошуа позвал его во вдовый домик. И отец не просто взял и свалился с моста: он ударился о перила и вместе с ними рухнул в воду. Мы знаем об этом, потому что на мосту отсутствует большой кусок ограждения. – Шеридан склонился вперед к брату: – А теперь скажи мне, Грей: почему он упал? Отец никогда не отличался неловкостью.

– Нет, но он все-таки постарел, и тогда было темно...

– Он шел с фонарем. И тогда было полнолуние. С чего бы ему падать? Не было причин. И это еще не все! Мост крепкий и прочный, так что если бы даже отец пошатнулся или нога подвернулась и он врезался бы в ограждение, то оно должно бы было выдержать его вес. Я считаю, что кто-то помог ему утонуть – повредил мост до того, как отец на него ступил, а затем толкнул его на ограждение. В общем, сделал все так, чтобы падение выглядело как несчастный случай. Да, Джошуа хромает, но руки у него мускулистые, как у сельскохозяйственного рабочего, – достаточно сильные, чтобы толкнуть пожилого человека на ограждение. Можешь не сомневаться. И это было просто сделать, в особенности если застать человека врасплох.

Грей вздохнул. Определенно из-за горя Шеридан повредился умом.

– А почему ты в этом подозреваешь Вулфа, черт побери?

– Ты меня не слушаешь! Я же уже говорил тебе, что дядя Эрми очень плохо относился к Джошуа...

– Тогда почему Вулф не убил твоего дядю Эрми вместо Мориса? – спросил Грей.

Шеридан скорчил гримасу и поставил стакан на стол.

– В этом-то все и дело. Я думаю, что он и его убил.

– Ради всего святого...

– Дай мне закончить, черт тебя подери!

Шеридан вскочил на ноги, обежал письменный стол из красного дерева, на столешнице которого в глаза бросалось много порезов и пятен. Вид этого стола напомнил Грею о том, что его единоутробный брат унаследовал большое поместье с, похоже, огромными долгами. И им следовало бы обсуждать *это*, а не безумное предположение, что Морис был убит.

Но казалось, что Шеридана кроме этого ничего не интересует.

– Дядя Эрми тоже погиб в результате несчастного случая и тоже поздно вечером. Его нашли рано утром на следующий день со сломанной шеей рядом с его декоративными развалинами, на строительство которых он потратил столько времени и денег. В его любимой таверне в городе сказали, что он там сидел допоздна и пил. Оттуда он направился домой той же дорогой, что и обычно. Лошадь нашли рядом с ним, она спокойно пощипывала травку. Поэтому мы предположили, что он пьяным свалился с лошади. Это случилось всего несколько месяцев назад. Тебе не кажется, что между двумя этими «несчастными случаями» прошло совсем немного времени?

Грей был вынужден признать, что это *на самом деле* странно. Тем не менее...

– Совпадения бывают в жизни не так уж редко, – заметил он, допил оставшийся в стакане бренди, встал со стула, прошел к бару, где стояла бутылка, и налил себе еще. – Поправь

меня, если я ошибаюсь, но разве ты сам как-то не говорил мне, что, когда бы дядя Эрми ни отправился в город, он всегда сильно напивался?

И Грею явно придется напиться, иначе слушать эти идиотские теории невозможно. Подумав это, он сделал большой глоток бренди. Шеридан недовольно посмотрел на него:

– Да, дядя Эрми часто напивался сильнее, чем студенты после сдачи экзаменов в Итонском колледже. Но он пил и ездил по той дороге – всегда один и поздно вечером – уже лет двадцать, если не больше. И он никогда раньше не падал с лошади. И даже ты должен признать, что выбить пьяного немолодого человека из седла и сломать ему шею было не очень сложно.

– Итак, что ты утверждаешь? – Грей мерил шагами кабинет, услышанное заставило его забеспокоиться. – По твоим словам, Вулф убил твоего дядю Эрми из-за того, что ему не нравилось отношение семьи к нему. Морис тоже плохо к нему относился?

– Нет, конечно нет.

– Тогда твои подозрения бессмысленны. Почему сейчас? Твой дядя Эрми много лет плохо относился к Вулфу, так что подвигло его на решительные действия?

– Может, Джошуа просто устал быть в услужении у нашей семьи, быть обычным слугой. Может, его достали выходки и эксцессы дяди Эрми, которыми он просто губил поместье. И Джошуа решил, что сам может стать герцогом и заполучить все, что прилагается к титулу.

Боже, Шеридан точно спятил.

– Для этого ему также придется убить тебя и Хейвуда.

– Вот именно, – кивнул Шеридан и скрестил руки на груди. – И это-то меня и беспокоит. Грей очень внимательно посмотрел на него, держа в руке стакан с бренди:

– А *меня* беспокоит, не сошел ли ты с ума.

Шеридан опять обошел письменный стол.

– Ты не видел, как Джошуа себя ведет. Он ни разу не пришел в этот дом, чтобы выразить соболезнования нашей матери, хотя бы нанести визит вежливости! А после смерти дяди Эрми он ни разу не зашел к отцу.

– Может, он предпочитает одиночество и не любит вообще никакое общество, – заметил Грей.

«В особенности при таких обстоятельствах», – добавил он про себя.

Он вспомнил смерть своего дяди Юстаса и то, как ему самому страшно не хотелось никак участвовать в организации похорон. Грей был просто счастлив увидеть этого ублюдка в могиле, откуда он больше не мог никого мучить, не мог больше запереть ребенка одного в комнате на много дней и не кормить его, пока он не подпишет...

Грей усилием воли заставил себя прекратить об этом думать. Это были воспоминания о тяжелых периодах его жизни.

– Люди по-разному переживают горе, – заметил он.

«В особенности когда ненавидят и презирают усопшего».

– А ты говорил об этом с самим Вулфом?

– Нет, – покачал головой Шеридан немного застенчиво и робко. – Мне нужны доказательства. Я не могу... огласить свои подозрения без них. Не могу ничего предпринять.

– Вот именно, – Грей сурово смотрел на брата.

– Послушай, Грей! Две смерти, и с таким небольшим промежутком между ними. Ты не находишь это странным?

Шеридан расправил плечи и стоял, широко расставив ноги. Именно так он всегда делал в детстве, когда упрямился. А Грею и тогда, и сейчас хотелось вбить ему в голову хоть немного здравого смысла.

– А что об этом думает сестра Вулфа? Беатрис – соучастница его темных дел?

Шеридан выругался себе под нос:

– Что ты несешь? Конечно, никакая она не соучастница. Беа никогда не одобрит убийство и уж точно не будет в нем участвовать. Она добрейшая женщина, самая добрая из всех, кого я знаю. Она всем сочувствует, всех жалеет.

– Мы говорим об одной и той же женщине? Потому что ту мисс Вулф, с которой я познакомился здесь, я не назвал бы доброй.

Шеридан нахмурился:

– Что именно произошло между тобой и Беа, когда вы разговаривали вдвоем?

– Она поставила меня на место после того, как я... м-м-м... вел себя как высокомерный ублюдок.

Уголки губ Шеридана поползли вверх.

– Подумать только – ты вел себя как высокомерный ублюдок!

– По крайней мере, я не вижу убийства за каждым углом. А если ты так уверен, что кто-то убил Мориса, то почему ты не позвал констебля, чтобы он расследовал его смерть?

– Я же тебе уже объяснял. У меня нет доказательств. Только мои подозрения.

Грей поднял глаза к небу:

– А они звучат глупо. Прости меня, но это так.

– Твое мнение может измениться после того, как ты познакомишься с Джошуа. – Шеридан сунул руки в карманы. – С ним трудно общаться. Он злой, обозленный. Определенно он изменился после всего того, что видел и пережил на войне. Я считаю его способным на все, включая убийство четырех человек, чтобы получить герцогский титул и все, что к нему прилагается.

– Мне придется поверить тебе на слово, – сухо сказал Грей, – поскольку я даже не знал о его существовании – и существовании его сестры – до сегодняшнего дня.

Шеридан потер шею сзади.

– Мне следовало представить тебе их обоих, когда ты сюда приезжал в предыдущие разы. Но ты приезжал так ненадолго, что мы сами хотели провести это время с тобой и не делить тебя ни с кем. И, если честно, ты приезжал до того, как мама решила сделать Беа одним из своих проектов.

– О боже!

Их мать была знаменита своими проектами. Она любила «помогать» молодым людям. Грей помнил, что, когда сам был еще мальчиком, в их доме регулярно появлялись странные молодые люди, а его мать пыталась придумать, как улучшить их дальнейшие перспективы. Словно собственных детей ей было мало. И одного собственного ребенка она отправила в другую страну.

– Что именно она пытается сделать для мисс Вулф?

Шеридан пожал плечами:

– Беа никогда не была дебютанткой, не была официально представлена обществу. Бабушка болела и не могла это организовать, а дядя Эрми был слишком ленив. Я думаю, что изначально предполагалось сделать Беа компаньонкой жены дяди Эрми, но к тому времени, как Беа достигла подходящего возраста, эта жена уже умерла. Да и он один этого сделать просто не мог, нужно было просить помощи у какой-то родственницы женского пола.

– А почему он не попросил?

– Да кто его знает-то? Судя по всему, он не был хорошим человеком. Да и денег не хватало, так что...

– Так что мисс Вулф и ее перспективы были отодвинуты в сторону.

– Все правильно. – Шеридан уставился в свой стакан. – И это еще один повод для ненависти Джошуа. Он нас ненавидит.

– Почему «нас»? Ты же явно не хочешь ее здесь удерживать?

На губах Шеридана промелькнула легкая улыбка.

– Нет.

Что-то в этой улыбке брата задело Грея.

– Она тебя интересует? Я имею в виду в романтическом плане?

– Что? Нет! Что за глупости? Она же моя кузина.

– Кузены и кузины постоянно женятся в наших кругах.

Выражение лица Шеридана изменилось: он приготовился защищаться.

– А тебя Ванесса интересует «в романтическом плане»?

«Ванесса?»

Грей нахмурился, глядя на брата:

– Она для тебя вообще-то мисс Прайд. Ответ на твой вопрос: нет, не интересует. Я отношусь к ней как к сестре.

– А я так же отношусь к Беа. Мы считаем ее членом семьи. Именно поэтому мама намерена сама представить ее обществу. Даже если Беа... как бы помягче выразиться? Не первой молодости.

– Сколько ей лет?

– Двадцать шесть.

– Выглядит она моложе.

Хотя Грей совсем не расстроился из-за того, что она оказалась ближе к его собственному возрасту, чем он думал изначально. Но ему сейчас не хотелось размышлять о своих ощущениях по этому поводу.

– Тем не менее можно считать, что ее уже положили на полку, – заявил Шеридан.

– Что за чушь? Женщина не безделушка, чтобы убирать ее на полку.

Шеридан удивленно уставился на него:

– Я удивлен, что ты так считаешь.

– А разве *ты* так не думаешь?

– Конечно, думаю, но... Я просто решил... то есть...

– Ты веришь всей той чуши, которую обо мне печатают в желтых газетенках, всем этим сплетням. – Он не собирался выражать негодование, но слова уже вылетели, и Грей просто не мог сдержаться. – Ты должен бы лучше меня знать. Ты же мой брат, ради всего святого!

– Ты очень часто об этом забываешь, а вспоминаешь, когда тебе удобно.

Грей сделал глубокий вдох:

– Я об этом не забываю. Я просто...

Нет, он не станет в это углубляться. Шеридан не виноват в том, что дядя Юстас оказался таким жадным убожком.

– Значит, мама собирается представить мисс Вулф высшему обществу. Но ты же знаешь, что нельзя выходить в свет, пока не закончился траур.

– Конечно, нельзя. И именно поэтому она и хочет сейчас заняться ее подготовкой. У них полно времени, они сидят в поместье и не могут посещать светские мероприятия. – На лице Шеридана промелькнула боль. – И маме нужно как-то отвлечься от горя, чтобы не думала постоянно, что отца больше нет.

– Ей нужно побыть одной, чтобы ее не дергали, когда у нее горе.

Шеридан скорчил гримасу:

– Я ей это говорил, но ты же знаешь маму. Ей лучше, когда есть чем себя занять. И ей может потребоваться целый год на подготовку Беа, которая не имеет ни малейшего представления о том, как вести себя в обществе. Это же бойкая молодая особа с мальчишескими повадками. Она гуляет по поместью с охотничьими собаками, помогает Джошуа вести бухгалтерию, но она очень редко посещает даже местные мероприятия. И это не ее вина. Ее приглашают, но идти ей не с кем, и она, конечно, не может пойти одна.

– А почему с ней не сходит этот ее чертов брат?

– Об этом тебе нужно ее саму спросить. Мы знаем только результат: она едва ли умеет танцевать, понятия не имеет о многочисленных правилах, которым необходимо следовать в высшем обществе, и предпочитает заниматься дрессировкой ретриверов, а не вышивать платочки. Маме с ней предстоит много работы.

– Мне кажется, что мисс Вулф прекрасно справилась с организацией похорон.

Шеридан фыркнул:

– Потому что она уже посетила целых пять за свою жизнь и участвовала в организации трех из них. Про похороны наша Беа все знает.

Бедная женщина. Все это казалось ужасным.

– Неудивительно, что они так хорошо ладят с мамой, – задумчиво произнес Грей. – Как я предполагаю, мама собирается представлять ее и при дворе?

– Вероятно. Тебе лучше знать, как проходит представление женщины высшему свету. Насколько я понимаю, Беа придется посетить ряд светских мероприятий. Поскольку Гвин тоже не представляли английскому высшему обществу, мама планирует организовать их выход в свет одновременно.

– Разумно, – кивнул Грей. – А как сама Гвин относится к тому, чтобы ее представляли высшему обществу вместе с женщиной, фактически не являющейся ее родственницей?

– Верь или не верь, но она рада, что будет не одна. Хотя сама она это никогда не признает, она нервничает. Английское высшее общество – это не совсем то, что было в Пруссии.

– Вероятно. Не могу утверждать точно, потому что я не задержался в Берлине достаточно долго, чтобы появиться там в обществе. – Шеридан странно посмотрел на него, но Грей продолжал говорить: – А как Вулф относится к тому, что его сестру будет выводить в свет наша мать?

– Не знаю. Он скользкий как угорь. Его никогда нет дома, когда я к нему захожу. Беа все повторяет, что обязательно приведет его к нам, но каждый раз это не получается по той или иной причине. – Шеридан осушил стакан и поставил на письменный стол. – Именно поэтому мне нужна твоя помощь.

– Какая именно? – напрягся Грей.

– Выяснить, чем занимается Джошуа, куда он постоянно уезжает. – Шеридан выпятил подбородок вперед. – Собрать улики, чтобы доказать – или опровергнуть – его участие в двух смертях. Посмотрим, может, тебе удастся докопаться до правды.

«Господи, помоги!»

– Ты просишь меня шпионить за майором?

– Да.

– Почему меня?

Шеридан пожал плечами:

– Во-первых, он тебя не знает.

– Ему не потребуется много времени, чтобы выяснить, кто я такой. Как только я начну что-то вынюхивать, задавать людям вопросы, информация дойдет до него, и он обязательно захочет выяснить, кто я такой. Если ты хочешь, чтобы расследование велось втайне от него, то действовать надо по-другому.

– Что, ради всего святого, *ты* тогда предлагаешь? Мне вздохнуть некогда – мне же приходится помогать маме с ее «проектом» и одновременно приводить в порядок дела в поместье. Мне совершенно некогда шпионить за Джошуа.

– Шпионить у тебя получится лучше, чем у меня, – заметил Грей. – Поскольку ты можешь все это представить как ознакомление с доставшимся тебе поместьем. Ты только учишься им управлять. И если владелец станет расспрашивать людей в городе о тех, кто на него работает, это не покажется никому странным, по крайней мере не настолько странным, как те же вопросы, задаваемые твоим родственником. – Грей тоже поставил пустой стакан на стол. – Я

могу помочь тебе с поместьем. Я могу помочь матери с подготовкой мисс Вулф и Гвин к выходу в свет. Как ты правильно заметил, я знаю, что требуется в таких случаях. У меня это лучше получится, потому что я присутствовал на нескольких мероприятиях, где девушек представляли высшему обществу. Например, когда представляли Ванессу.

– Значит, именно ты виноват в том, что у твоей кухни такой острый язычок и она вообще такая наглая? – спросил Шеридан.

– А ты виноват в том, что и Гвин такая же?

Шеридан гневно посмотрел на него.

– Я так и думал, – спокойно сказал Грей. – Дело в том, что я не возражаю против того, чтобы вместе с тобой разобраться с финансами и управлением поместьем. Я не против того, чтобы подсказать девушкам, как вести себя в обществе и чего ждать. Я даже не против того, чтобы попытаться добыть для тебя какую-то информацию у мисс Вулф, пока я помогаю ей готовиться к выходу в свет. Но я не стану шпионить за ее братом. Тебе самому придется этим заниматься.

Шеридан опять расправил плечи и поставил ноги на ширине плеч.

– Не думаю, что тебе стоит помогать готовить Беа к выходу в свет. Это не самая лучшая мысль. У тебя определенная репутация, все слышали про твои отношения с молодыми женщинами, а Беа и так находится в уязвимом положении.

– Именно благодаря своей репутации я могу предостеречь наших девушек. Я знаю, чего ждут мужчины из общества. И как им отказывать и отсылать прочь. В то время как ты...

– ...едва ли когда-либо был на балу. Я знаю. – Шеридан раздраженно вздохнул. – В твоих словах есть смысл.

– В любом случае я тебе выбора не оставляю. Если хочешь, чтобы я тебе помог, то помогу с тем, в чем разбираюсь, с тем, что я хорошо знаю.

Если честно, то участие в очередном мамином проекте могло сделать эту встречу с членами семьи вполне приемлемой. Мама была не единственной, кому требовалось на что-то отвлечься, чтобы не думать о смерти Мориса.

– Итак, мы договорились о разделении труда? – спросил Грей.

У Шеридана на челюсти дергалась жилка. Он колебался несколько мгновений, потом кивнул, а затем отправился снова наполнить их стаканы.

– Нам нужно скрепить сделку, подняв тост. – Он вернулся к Грею и подал ему наполненный стакан. – Знаешь, я рад, что ты собираешься мне помочь с делами поместья. Ты явно умеешь вести переговоры. Ты практичный, проницательный и находчивый.

– Ну, я не просто так устроил доход с унаследованных от отца поместий за последние тринадцать лет.

– Я буду очень благодарен, если ты поможешь мне сделать то же самое. – Его брат замолчал, глядя в окно. Спускались сумерки, и земля уже казалась серой. – Но боюсь, что наследие Эрмитэджей уже находится за той чертой, где спасение невозможно.

– Ты удивишься, узнав, что можно сделать с помощью рациональных инвестиций и мудрого управления объектами недвижимости.

– Посмотрим. – Шеридан поднял стакан с натянутой улыбкой: – За успешную шпионскую деятельность!

– И за успешный выход в свет! – добавил Грей.

Но до того, как они успели даже пригубить бренди, дверь распахнулась и вошел Торн.

У Торна были каштановые волосы с рыжеватым отливом и светло-голубые глаза, и он походил на их мать больше, чем Грей или Шеридан. Но сходство на этом заканчивалось. Торн отличался бунтарским нравом, чем никогда не славилась их мать.

Торн оглядел братьев, затем направился к бару, чтобы налить и себе стакан бренди.

– За что пьем? – спросил он.

Грей переглянулся с Шериданом и ответил:

– За братьев.

– Я к вам присоединюсь. – Торн немного помолчал, потом добавил: – Я совсем забыл. Я отправлен собирать всех на ужин.

– Ужин может немного подождать. По крайней мере, пока ты не пропустишь стаканчик, – заметил Шеридан.

– Правильно. А после сегодняшнего дня мне обязательно надо выпить.

Торн сел рядом с братьями, и они все подняли стаканы, салютуя друг другу. Затем он выпил бренди одним глотком.

– Черт поberi, не увлекайся! Давай помедленнее! – воскликнул Шеридан.

Грей рассмеялся.

– Возможно, ты не знаешь, что Торн может перепить нас всех. Мы уже под столом будем валяться, а ему хоть бы хны. Да, Торн?

Брат подмигнул Грею:

– Всегда готов! А теперь поднимайте задницы, парни. Если мы опоздаем на ужин, то мама обвинит меня, а я не хочу понижения: я же любимый сын.

За этим последовал обычный для них троих веселый спор о том, кто у их матери любимчик. Грею эта игра не нравилась, потому что он определенно *не был* любимым. Но он подыгрывал братьям, пока бренди в их стаканах не закончился. Только тогда они встали и отправились на ужин.

– Погодите, – сказал Грей и посмотрел на Торна. – А кто будет дежурить у гроба, пока мы ужинаем?

– Один из слуг, – ответил Торн, и выражение лица у него сразу стало мрачным. – Но я уверен, что надолго он там не задержится. Мама сегодня вообще не хотела уходить от отца. Она намерена сидеть в этой чертовой комнате до того, как соберется похоронная процессия.

Грей почувствовал раздражение, услышав, как Торн называет Мориса отцом. Хотя обычно Торн так и обращался к их отчиму. Отец Торна и Гвин умер незадолго до их рождения, так что Морис был единственным отцом, которого знали близнецы.

– Но раз ты здесь, Грей, может, тебе удастся уговорить маму немного поспать сегодня ночью, – продолжал Торн.

– Если учесть, что ты у нее любимчик, то она скорее послушает тебя, – пошутил Грей, но шутка получилась невеселой.

Хотя Торн рассмеялся.

– А как я, по-твоему, *стал* ее любимчиком? Потрафляя ее капризам. А *тебя* она считает воплощением своего первого мужа, который, как я понял, гонял ее в хвост и в гриву, только приказы отдавал. Так что она должна послушаться, когда *ты* отдашь ей приказ.

Грею захотелось завывать, потому что он не хотел быть таким человеком. Но было уже слишком поздно, чтобы изменить то, как его воспринимали люди. Так что он, как и обычно, сыграет свою роль.

В конце концов, кто-то должен взять под контроль эту неуправляемую семью. И это вполне может быть он.

Глава 5

Ужины в Эрмитэдж-Холле проходили в более неформальной обстановке, чем при дяде Эрми. Нельзя сказать, что Беатрис тут часто ужинала, когда он всем заправлял в поместье. Даже когда их с братом приглашали, Джошуа всегда отказывался, а она не собиралась проводить время тет-а-тет с дядей Эрми.

Но ужины с семьей тети Лидии напоминали ей те времена, когда были живы ее бабушка с дедушкой и она сама жила в этом доме после смерти папы. В десять лет она была еще слишком маленькой, чтобы жить одной, в особенности когда Джошуа отправился служить в Королевских ВМС где-то за границей. Так что она жила здесь с бабушкой и дедушкой.

Ребенку этот зал, где проходили обеды и ужины, казался волшебным местом: множество свечей горело в люстрах, отбрасывая блики во все стороны, блестело серебро, стол покрывала белоснежная скатерть. Каждый раз, когда бабушка приводила ее сюда из детской, чтобы поучиться правильному поведению за столом, Беатрис чувствовала себя принцессой.

К сожалению, обучение манерам поведения за столом было единственным, что успела сделать бабушка до смерти деда и собственной болезни. Но, по крайней мере, Беатрис точно знала, какой вилкой нужно есть салат из помидоров и как правильно опускать ложку в черпаховый суп. Слава богу! Потому что, судя по тому, как Грейкурт то и дело на нее поглядывал, он только и ждал, чтобы она допустила ошибку и опозорилась. Высокомерный негодяй!

Она вздернула подбородок, встретила с ним взглядом и идеально опустила ложку в суп. Несносный герцог будто догадался о ее намерениях, потому что многозначительно посмотрел на нее и понимающе улыбнулся.

Да будь он проклят! Вот к чему привело их общение в прихожей. Не нужно было так вызывающе с ним разговаривать. Вот результат. Лучше на него вообще не смотреть, потому что при каждом взгляде на герцога Грейкурта у нее внизу живота появлялись странные ощущения. Беатрис чувствовала что-то подобное, когда бежала вниз с холма за собаками, – одновременно ужас и возбуждение, страх и радость.

Но с ним-то из всех людей она не должна чувствовать ничего подобного. Если повезет, он уедет на следующий день после похорон и она его больше никогда не увидит.

Поэтому Беатрис сосредоточила свое внимание на смешной истории, которую рассказывал герцог Торнсток. Она казалась несколько неприличной для рассказа за столом, где сидят и мужчины, и женщины, но раз тетя Лидия не возражала, то все вполне устраивало и Беатрис.

Торнсток был ниже ростом, чем Грейкурт, но гораздо красивее, если говорить о традиционных представлениях о красоте. Симметричные черты холеного лица, белые зубы, сверкающие, когда он улыбался, идеальный нос. У него были прямые каштановые волосы с рыжеватым отливом, в отличие от вьющихся, черных как чернила волос Грейкурта, и светло-голубые глаза, напоминающие хрусталики.

А что еще хуже, он умел быть таким обаятельным и легко включал свой шарм, будто нажимая на кнопку. После дяди Эрми Беатрис всегда с опаской относилась к таким мужчинам.

– Итак, мисс Вулф, как я предполагаю, мы завтра увидим вас на похоронах, – дружелюбно сказал Торнсток.

– Конечно, нет. Это недопустимо.

И Торнсток, и леди Гвин удивились.

– Что ты имеешь в виду? – спросила леди Гвин. – Это же похороны твоего дяди!

Тетя Лидия опустила ложку на стол и серьезно посмотрела на дочь:

– Женщины здесь не ходят на похороны и не присоединяются к похоронной процессии, моя дорогая.

– С каких это пор? – спросил Торнсток.

Беатрис откашлялась и ответила:

– Так было всегда. К участию женщин здесь всегда относились неодобрительно.

– Чушь какая! И какая несправедливость! – Леди Гвин перевела взгляд на мать: – Но ты-то в любом случае пойдешь?

Тетя Лидия вздохнула:

– Я не хочу давать лишний повод местным сплетникам и не хочу, чтобы мне лишний раз здесь перемывали кости. Теперь мы живем в Англии и должны придерживаться местных обычаев.

– Я пойду, – объявила леди Гвин. – Меня они не смогут остановить.

– Правильно, – кивнул Торнсток. – Этот обычай кажется мне глупым.

– Тебе любой английский обычай кажется глупым, Торн, – сказал Грейкурт и посмотрел на Гвин: – Обещаешь не плакать на похоронах?

Она моргнула:

– Что ты имеешь в виду?

– Именно поэтому женщин и не пускают. Считается, что они демонстрируют слишком много эмоций на публике, когда следует воспринимать происходящее стоически.

– В таком случае маме определенно не стоит идти, – пробормотал Шеридан в тарелку с супом. Он благоразумно не включался в разговор до этой минуты.

– Шеридан! – воскликнула тетя Лидия.

– Это правда. Ты не вела себя стоически ни дня в своей жизни. На самом тебе ты склонна... временами все слишком драматизировать.

Мать гневно посмотрела на него:

– Я не могу ничего с собой поделать. Мой предок был драматургом.

– И ты никогда не позволяла нам забыть об этом, – заметил Торнсток, хотя и с явной симпатией. Затем он посмотрел на Беатрис и хитро улыбнулся ей: – Возможно, вы заметили, мисс Вулф, что нас всех называли в честь драматургов.

На самом деле Беатрис не заметила. Она перебрала в голове их имена: Торнстока звали Марлоу, Грейкурта – Флетчер, еще были Шеридан и Хейвуд⁵. Да, все драматурги. Как странно.

Затем в голову Беатрис пришла другая мысль.

– Но не леди Гвин? – спросила она.

– Меня называли в честь актрисы, – сообщила леди Гвин игривым тоном. – Известных женщин-драматургов мало, и мама едва ли могла назвать меня Инчбальд⁶ или Бен⁷, поэтому она решила назвать меня в честь Нелл Гвин. Слава богу, все предполагают, что именем Гвин звали кого-то из наших предков-валлийцев.

– Нелл Гвин была одной из самых знаменитых актрис своего времени, – заметила ее мать. – Здесь нечего стыдиться.

– Бедняжка Нелли была также самой известной любовницей Карла II, мама, – сухо напомнил Грейкурт. – У принца Уэльского даже есть ее портрет. На нем она изображена полностью обнаженной.

Мать подозрительно посмотрела на него.

⁵ Кристофер Марлоу (1564–1593) – английский поэт, переводчик и драматург-трагик. Благодаря ему в Англии получил распространение не только рифмованный, но и белый стих. Есть версия, что Марлоу не погиб в 1593 году, а инсценировал свою смерть и писал произведения под именем Шекспира. Ричард Шеридан (1751–1816) – англо-ирландский драматург, поэт и общественный деятель, был управляющим и владельцем театра. Его «Школа злословия» считается одной из лучших английских комедий нравов. Томас Хейвуд (1575–1650) – английский драматург времен Шекспира, написал около 220 пьес. – *Прим. переводчика.*

⁶ Елизавета Инчбальд (1753–1821) – английская писательница, актриса, драматург и литературный критик. – *Прим. переводчика.*

⁷ Афра Бен (1640–1689) – английская романистка и драматург, считается первой профессиональной писательницей в истории Англии. – *Прим. переводчика.*

– А *ты* это откуда знаешь?

Он пожал плечами.

– Я его видел, – сказал Грейкурт, а когда мать резко вдохнула воздух, добавил: – На одном из официальных мероприятий, которое проходило в его резиденции. Я хочу сказать, что нельзя винить Гвин за то, что она не хочет никому говорить, в честь кого ее назвали.

Беатрис бы тоже этого не хотелось. Она даже представить не могла, как бы она себя чувствовала на месте Гвин. А если бы происхождение подобного имени стало известно окружающим? А она-то считала своего отца сумасшедшим за то, что назвал ее в честь Беатриче – музы и единственной любви Данте. По крайней мере, женщина, в честь которой назвали ее, была добродетельной и целомудренной. А какие похабные шуточки отпускал бы дядя Эрми, если бы ее на самом деле назвали в честь актрисы с дурной репутацией, которая вела не самый благочестивый образ жизни!

Грей тем временем повернулся к сестре:

– Если мама не идет на похороны, Гвин, то тебе тоже не следует идти. Нужно, чтобы кто-то остался с ней.

Леди Гвин нахмурилась, глядя на него:

– Здесь будет Беа.

– Это не совсем то, и ты это прекрасно знаешь.

– Не оскорбляй Беа! – запротестовала леди Гвин.

– Я никого не оскорбляю, – заявил Грейкурт. – Но мисс Вулф не жила с мамой долгие годы, как ты. И вообще для мамы будет лучше, если вы *обе* останетесь здесь.

– Послушай, что говорит брат. – Тетя Лидия взяла руку дочери в свою. – Мне хочется, чтобы ты осталась со мной. – Она подняла голову и с любовью посмотрела на Беатрис: – И Беа, конечно, тоже.

На лице леди Гвин промелькнуло раздражение.

– Останусь, если должна, – сказала она. – Но я все равно думаю, что неправильно запрещать мне присутствовать на похоронах отца только потому, что я женщина. Пусть ты родила нас с Торном от другого мужчины, но именно он был моим отцом, он меня растил. Так что у меня есть право отдать ему последний долг, попрощаться с ним точно так же, как имеют право Торн, Грей и Шеридан. Не меньше даже, чем Шеридан, которому он был родным отцом!

– Согласен, – кивнул Грейкурт, к удивлению Беатрис. – В обществе существует много правил, которые я считаю глупыми или неразумными. Неправильными! Но если ты хочешь успешно войти в это общество, то придется следовать по крайней мере некоторым из них. Хотя бы пока ты не найдешь себе мужа. – Он улыбнулся Беатрис: – Как и вам, мисс Вулф.

Пока Беатрис раздумывала над этим странным замечанием, заговорил Шеридан:

– Вероятно, сейчас самое подходящее время, чтобы объявить о планах Грея. Он останется у нас на несколько недель, чтобы помочь маме подготовить Гвин и Беа для представления обществу.

– Только этого еще не хватало! – воскликнула леди Гвин.

Она опередила Беатрис своим возгласом – ей хотелось сказать то же самое. Да она чуть не задохнулась от мысли, что этот высокомерный герцог Грейкурт будет давать ей советы в таких вещах.

– Что такое? Разве ты не хочешь, чтобы я тебе помог, Гвин? – спросил Грейкурт с какими-то странными нотками в голосе.

– А зачем ты мне? – резко ответила леди Гвин. – Ты же диктатор. Ты властный и любишь командовать. Мама расскажет нам все, что нам нужно знать.

– Моя дорогая, я не была в английском обществе почти тридцать лет. С годами многое меняется. И меня саму не представляли официально высшему обществу, я никогда не была дебютанткой. – Она помрачнела. – Нас с отцом Грея познакомили наши семьи.

Беатрис посмотрела на Грейкурта, выражение лица которого резко изменилось: стало суровым и мрачным.

– В любом случае мужчины знают такие вещи, которые также подобает знать и женщине, – продолжала герцогиня. – Я не хочу, чтобы моя дочь и моя племянница входили в общество, полностью не осознавая, какие законы там работают, как строятся отношения. И мужчина совсем не помешает во время танцев. Вам же нужен партнер.

Беатрис сглотнула, представив, как путает шаги во время танца с Грейкуртом. Почему-то у нее в сознании мгновенно появился образ их вместе во время танца.

– А почему это не может сделать Шеридан? – спросила леди Гвин.

Шеридан бросил взгляд на Грейкурта и ответил:

– Во-первых, сестренка, мне нужно учиться управлять поместьем, а это отнимает массу времени. Во-вторых, я ничего не знаю о представлении девушек высшему обществу и о требованиях к дебютанткам, поэтому я не могу никого инструктировать, в то время как Грей уже много лет вращается в высшем свете и даже участвовал в представлении своей кузины Ванессы. С его помощью и с помощью нашей мамы вы с Беа произведете фурор в высшем обществе.

– Я не хочу производить фурор в высшем обществе, – выпалила Беатрис. Все резко повернулись к ней, и она покраснела, но сразу же продолжила: – Я просто хочу найти подходящего мужа.

«Чтобы обеспечить свое будущее, а по ходу дела, может, еще и будущее Джошуа», – добавила она про себя. Брат-то определенно не собирался прилагать никаких усилий в этом направлении.

– Боюсь, мисс Вулф, что в наши дни одно без другого невозможно, – мягко заметил Грейкурт.

– Даже если у женщины нет приданого, а ее отец был убит на дуэли? – рявкнула она. – Я полагаю, что для меня будет лучше просто играть по правилам в надежде, что какой-нибудь викарий или врач, которому требуется приличная, осмотрительная и осторожная жена, обратит на меня внимание. По крайней мере, *такого* типа мужа, вероятно, не ждет скандальная смерть и он не оставит меня без гроша, как папа.

Все уставились на нее, раскрыв рот. Затем собравшиеся повернулись к Грейкурту, их интересовало, что он ответит на это. Чтоб он провалился в тартарары! Ну почему же он пробуждает в ней все самое плохое? Беатрис годами учила себя *не* говорить то, что думает, *не* срываться. Тем не менее, когда она оказывалась рядом с ним, такие реплики вылетали будто сами собой.

Беатрис опустила глаза и уставилась в стол.

– Простите меня, ваша светлость. Я не хотела...

– Правило первое: не извиняйтесь, – перебил он. Судя по голосу, ему было весело. Или он просто забавлялся! – *Ни за что*. Вы – внучка герцога. Вы должны заходить в каждый зал и в каждую комнату с высоко поднятой головой – словно та дуэль была единственной оплошностью в череде добрых дел. И почему вы называете дуэль скандальной? Вообще-то это дело чести...

– Я думаю, что в большей степени речь шла о *бесчестье*, – сухо заметила Беатрис. – Хотя бабушка отказывалась об этом говорить. – Беатрис слышала, что стрелялись из-за любовницы, но она определенно не собиралась сообщать *это* высокомерному Грейкурту. – Никто никогда не хотел это обсуждать.

– Так, значит, все произошло много лет назад. Правильно?

– Шестнадцать, – ответила Беатрис.

– Прекрасно. Никто уже ничего и не вспомнит. Черт побери, я понятия не имел об этой дуэли.

– Флетчер Прайд! – воскликнула его мать. – Если ты будешь ругаться на светских мероприятиях, то пользы от тебя Гвин и Беа не будет никакой!

Вместо того чтобы извиниться или хотя бы смутиться, как сделала бы сама Беатрис, Грейкурт рассмеялся.

– Мама, ты в последние годы ведь не появлялась в свете, правда? Англия сейчас участвует в войне. Мужчин мало, а офицеры далеко не всегда используют приличные выражения. Они привыкли говорить несколько другим языком.

Тетя Лидия повернулась к Торнстоку:

– Это правда?

– Не знаю. Если честно, я избегаю высшее общество. Стараюсь не иметь с ним никаких дел, словно от этого зависит моя жизнь. Да она и часто на самом деле зависит.

– Что ты хочешь этим сказать? – с беспокойством спросила его мать.

– Поверь мне: тебе лучше этого не знать, – сказал ей Грейкурт и предупредительно посмотрел на единоутробного брата.

Но Беатрис хотелось знать. Ей было интересно все связанное с тетей Лидией и ее детьми. Их жизнь казалась ей увлекательной и захватывающей. Они были такими... резкими, они прямо говорили то, что думают, и не спешили извиняться. Она никогда не встречала таких людей.

Ну, за исключением Джошуа. Но он никогда не высказывал свое мнение так, как они, – так интересно, так увлекательно, так забавно, в конце концов. Да и она сама никогда так не говорила.

– Все будет в порядке, мама, – продолжал Грейкурт. – Ты сама увидишь. А Шеридан сейчас на самом деле очень занят. Что касается Торна...

– Я никогда, черт побери, не буду никого учить, как вести себя в обществе, будь оно проклято, и правилам, принятым в этом чертовом обществе, – вставил Торнсток. – И да, мама, я знаю, какие слова и выражения считаются неприемлемыми в свете.

– И в любых других местах, – с укором заметила леди Гвин, глядя на брата. – Даже я это знаю.

Торнсток пожал плечами:

– И это еще одна причина для того, чтобы Грей взялся за эту глупость.

Тетя Лидия вздохнула:

– Мальчики, разберитесь сами, кто чем будет заниматься. Я уверена: вы знаете, что делаете. – Она посмотрела на Беатрис: – Знаешь, что я вспомнила, моя дорогая? А ты поговорила с Джошуа о наших планах? Он их одобрил?

Беатрис была застигнута врасплох.

– Конечно, – тем не менее ответила она тете Лидии.

«Врунья», – сказала она сама себе.

Но ей приходилось иногда врать, хотя она и ненавидела любую ложь. Беатрис не знала, как на их планы отреагирует ее брат. Хотя она ему такое выскажет, если он не позволит ей стать дебютанткой. Может, с другими людьми она и старалась не высказывать все, что думает, но на Джошуа это не распространялось никогда. С ним она никогда не сдерживалась. Да и ее брат был из тех людей, которые хотят всегда слышать правду.

Тетя Лидия улыбнулась:

– Мне не хотелось бы ничего делать без его одобрения. Конечно, мы с ним до сих пор практически не знакомы, совершенно чужие люди, но я не хочу, чтобы он думал, будто мы позволяем себе выйти за определенные границы.

– Я понимаю, – кивнула Беатрис.

О да, она это понимала прекрасно. Женщинам никогда не позволялось самим принимать подобные решения. Их отдавали на милость братьев, отцов и мужей.

Это было *несправедливо*. Они с леди Гвин определенно соглашались по *этому* вопросу. Тетя Лидия встала:

– Если не возражаете, я должна вернуться в гостиную.

Мужчины тоже встали. Шеридан обошел стол и оказался рядом с матерью.

– Я пойду с тобой, – сказал он.

– Мама, обещай мне, что ты сегодня обязательно ляжешь поспать, – попросил Грейкурт, пока они еще не успели уйти. – Даже если ты завтра не пойдешь на похороны, день предстоит тяжелый, и тебе нужно отдохнуть.

– Если ты так хочешь, Грей, – ответила тетя Лидия с мягкой улыбкой. – Спасибо, сын, что ты приехал.

У него в глазах промелькнули какие-то эмоции, которые Беатрис не смогла распознать.

– Конечно, хочу. И я просто не мог не приехать.

После этих слов тетя Лидия улыбнулась еще шире.

– Я скоро присоединюсь к вам, – добавил Грейкурт. – Как только закончу десерт.

– Это было бы прекрасно. Спасибо, – кивнула мать.

Как только тетя Лидия и Шеридан ушли, Грейкурт снова опустился на свое место и посмотрел на Беатрис:

– Я хочу попросить вас об одном одолжении. Я знаю, что ваш брат не присутствовал на похоронах другого вашего дяди. Так что, пожалуйста, проследите, чтобы он пришел завтра на похороны моего отчима.

Ее удивила эта настоятельная просьба – Грейкурт говорил напряженным голосом, да еще и использовал слово «пожалуйста».

– К-конечно, он придет, – заикаясь, ответила Беатрис.

– Хорошо. Потому что это важно.

Он явно что-то недоговаривал. Беатрис страшно хотелось узнать, что именно. Близнецы обменивались недоуменными взглядами, а таинственное выражение лица Грейкурта ничего не объясняло.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы Джошуа пришел сюда ко времени отправления похоронной процессии, – пообещала Беатрис.

– Отлично. – Грейкурт допил вино. – Спасибо.

Ее беспокойство еще усилилось. Что он задумал?

– А могу ли я спросить, *почему* это так важно?

Грейкурт провел пальцем по ободку бокала.

– Мама будет обижена, если он не придет. А я не хочу добавлять ей отрицательных эмоций при нынешнем положении вещей.

Сердце сжалось в груди у Беатрис.

– Конечно, нет, – поспешно ответила она. – Мне тоже не хочется ее лишний раз расстраивать.

Боже, она надеялась, что это было единственным мотивом Грейкурта. Последнее, что требовалось ей и Джошуа, – это герцог, который стоит у них над душой и пристально следит за ними, чтобы выведать все их тайны, причем герцог, который прекрасно умеет отличать правду от лжи.

Беатрис могла только надеяться на то, что ее страхи преувеличены. Может, она неправильно интерпретировала его слова и реакции? В противном случае они с братом в самом лучшем случае окажутся на улице и никто не сможет им помочь.

Но она сделает все, чтобы этого не случилось.

Глава 6

На следующий день после похорон Беатрис быстро поднялась на холм, где находилась псарня. Она надеялась найти там Джошуа. К сожалению, она больше не могла откладывать обсуждение с ним ее предстоящего выхода в свет.

Можно было порадоваться тому, что похороны вчера прошли по плану. Судя по комплиментам, которых Беатрис удостоилась от слуг мужского пола, присутствовавших на них, члены семьи одобрили их организацию, не говоря про жителей города. Не прошел незамеченным портвейн, который наливали всем прощающимся и не отказывали, если кто-то хотел выпить второй стаканчик. Щедрость семьи Вулф произвела большое впечатление на местных жителей, которые не любили дядю Эрми. Его считали скупердьяем из-за того, что не оказывал никакой поддержки городу.

Эти похороны также могли помочь изменить отношение жителей Сэнфорта к ней самой и Джошуа. Их обоих здесь считали несколько странными и эксцентричными: ее – из-за того, что вела себя как девчонка-сорванец, а Джошуа – из-за сумасбродного поведения и больной ноги. Если город примет их родственников, а их родственники принимают ее и Джошуа, то город в конце концов может также изменить и свое мнение о ней и Джошуа.

Беатрис могла на это только надеяться, поскольку боялась, что, несмотря на все усилия тети Лидии, уже находится на пути к тому, чтобы стать старой девой. В особенности если Джошуа не разрешит тете представить ее высшему обществу.

Но если только он этому помешает, она ему устроит! Она такое ему устроит... Мало не покажется.

Эта мысль придала ей смелости, и Беатрис вошла в пустой двор, примыкавший к псарне, строению из известняка в дальнем от ворот конце. Двор окружали высокие стены, тоже построенные из известняка, – для того чтобы гончие не смогли через них перепрыгнуть, когда играют во дворе.

Беатрис сразу же заметила брата, опиравшегося на свою трость. Джошуа разговаривал с мистером Мактилли, егермейстером, занимавшимся в поместье кормлением и разведением собак. Беатрис заперла за собой ворота, чтобы ни одна собака не сбежала.

Мистер Мактилли прекратил разговор сразу же, как только заметил ее приближение, и приподнял шляпу:

– Добрый день, мисс. Решили вывести нескольких наших зверюг на прогулку?

– Да... и еще хочу поговорить с братом.

Джошуа резко развернулся к ней и нахмурился. Она отметила про себя, какое у него обветренное лицо.

– О чем? – спросил брат.

– Тебя тоже с добрым утром, – едко сказала она. – Ты, вероятно, встал сегодня очень рано. *Если* вообще вчера вечером вернулся домой.

Джошуа нахмурился еще сильнее, Беатрис многозначительно посмотрела на мистера Мактилли, который поспешно сказал:

– Я сейчас посмотрю, кому из собак сегодня обязательно нужно хорошо побегать.

С этими словами он поспешил к зданию, где жили собаки. Беатрис и Джошуа остались вдвоем.

– Что ты хочешь, Беатрис? – спросил Джошуа.

– Кроме желания узнать, где ты был вчера вечером и почему так долго задержался, что я тебя не видела и даже не слышала, как ты пришел?

– У меня были дела в Лестере, – объявил он, при этом его лицо ничего не выражало.

До Лестера нужно было три часа ехать на почтовой карете. В последние несколько месяцев брат часто ездил в Лестер, и Беатрис понятия не имела зачем.

– О, и что это за дела?

– Тебя это не касается.

– Джошуа...

– У меня нет времени для твоего очередного допроса! – Когда она напряглась, он провел рукой по лицу. – Просто скажи мне, что тебе нужно, хорошо? Чтобы я сразу мог вернуться к работе.

Ей было нужно услышать, почему он за последний год провел несколько ночей в Лестере, но она уже спрашивала его об этом раньше, а в ответ слышала или «Тебя это не касается», или что-то другое в этом роде. Больше брат ничего не говорил. Беатрис беспокоилась, не проводит ли он там время в одной из таверн, но от него никогда не пахло спиртным, да и в Сэнфорте работало достаточно таверн, куда было гораздо проще и быстрее добраться. Чем он там занимается? Почему такая секретность?

Но сейчас это не имело значения. Она пришла сюда не из-за этого. Пусть хранит свои тайны, пока они никоим образом не затрагивают ее саму.

– Мне нужно поговорить с тобой кое о чем, касающемся нашей тети и кузенов.

Джошуа выругался себе под нос.

– Я сходил на похороны, как ты требовала, даже хотя ты знала, что я бы лучше себе язык откусил, чем отправляться на такое мероприятие. Поэтому я считаю, что в полной мере выполнил свои обязательства перед нашими родственниками.

Боже мой! Иногда брат так ее раздражал! Просто с ума сводил своими ответами.

– Ты выполнил их только частично, потому что не вернулся в дом, где они живут, после похорон, чтобы поговорить с тетей и другими дамами. – Джошуа явно рассердился, и Беатрис поспешно добавила: – Не злись. Я не прошу тебя больше ничего делать для *них*. – С этими словами Беатрис убрала руки за спину, потому что пальцы непроизвольно сжимались в кулаки, а она не хотела это показывать. – Я просто должна поставить тебя в известность о том, что они планируют сделать для *меня*. Если только мужчины не упоминали вчера это на похоронах. Они что-нибудь тебе говорили?

Брат перестал хмуриться:

– Нет, никто ничего не упоминал. К счастью, они очень мало со мной разговаривали.

– Даже не могу представить почему, – сухо заметила Беатрис. – Ты всегда такой дружелюбный, и люди так любят твоё общество.

К ее большому удивлению, он рассмеялся. Беатрис так редко слышала его смех, что он подбодрил ее. Может, все окажется гораздо проще, чем она думала.

– Тетя Лидия хочет помочь мне попасть в высший свет, – продолжала Беатрис, заставляя себя говорить мягким голосом. – Представить меня обществу вместе с леди Гвин.

Все веселье мгновенно исчезло, на лице брата промелькнуло множество других эмоций, но даже Беатрис не смогла их все уловить и понять.

– Представить обществу? – повторил он. – В Лондоне?

– Ну, конечно, в Лондоне. Где же еще? Едва ли можно говорить о моем представлении обществу, если я появлюсь на каком-то мероприятии в Сэнфорте. Хотя и это у меня никогда не получалось, потому что ты не соглашаешься меня сопровождать.

– Тебя вполне может сопроводить твоя драгоценная тетя Лидия, – язвительно заметил Джошуа. – И даже эта леди Гвин, раз теперь они обе живут в Эрмитэдж-Холле.

– Может, совсем скоро они будут жить в *нашем* доме, а мы будем жить на улице, – прошипела Беатрис. – После того как Шеридан женится, он вполне может захотеть, чтобы тетя Лидия переехала в дом, как раз и предназначенный для вдовствующей герцогини. А мы тогда куда переедем?

Джошуа отвернулся и почесал покрытый щетиной подбородок.

– По крайней мере, я пытаюсь наладить с ними отношения, заставить их меня полюбить, – продолжала Беатрис. – Не могу сказать, что это трудно или доставляет мне неудовольствие. Они милые и приятные люди. Они относятся ко мне как к члену семьи. И они не спешат отправиться в неизвестные места по ночам, чтобы заниматься бог знает чем, причем не сказав никому ни слова. И они не ожидают, что их сестры будут вечно болтаться рядом с ними, безнадёжно надеясь на какое-то... хоть какое-то будущее, кроме...

– Прекрати, Беатрис! – Джошуа стиснул челюсти, и она увидела, как у него пульсирует жила. – Если ты хочешь быть должным образом представлена обществу, то так и будет. Я посмотрю, не удастся ли мне... собрать немного денег.

– В этом нет необходимости. Тетя сказала, что может себе позволить оплатить мои расходы, потому что Торнсток платит за свою сестру-близнеца. На самом деле и тетя Лидия, и леди Гвин готовы помогать мне найти мужа.

– А ты хочешь только этого, да? – с горечью спросил брат. – Чтобы отделаться от меня?

Конечно, он видит все под таким углом.

– Я хочу нормально *жить*, черт побери! Да, я хочу иметь мужа и детей, которых буду любить, и я хочу свой собственный дом, и хочу быть уверенной, что этот дом у меня не отберут! Чтобы этого нельзя было сделать в любую минуту! Неужели это непонятно и неразумно? Ты считаешь, что желать всего этого ненормально?

Джошуа смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Его явно ошарашило такое эмоциональное выступление сестры, сказавшей о своих истинных желаниях, которые она раньше пыталась от него скрыть, явно не зная, как он отреагирует. Она вообще не знала, из-за чего он может завестись.

– Нет, вполне нормально, – наконец сказал он, сжимая набалдашник своей трости. – Мне просто хотелось бы, чтобы ты нашла мужа *здесь*, в городе.

– Да уж, тут только и искать, когда столько молодых мужчин отправились на войну.

Джошуа замер на месте, как только она произнесла эти слова, и Беатрис мгновенно пожалела, что упомянула войну.

– Да, все эти мужчины служат своей стране, пока я тут ковыляю... – рявкнул он, но быстро взял себя в руки: – Прости меня. Я просто... переживаю из-за того, что не могу тебе помочь получить то, что ты хочешь, обеспечить тебе должное представление обществу, чтобы ты могла вращаться в соответствующих кругах.

Эти слова стали булавкой, которую воткнули в воздушный шар – и ее гнев исчез, как сдувается шар.

– О, Джошуа, я знаю, как у тебя тяжело на сердце. Я на самом деле это понимаю! – Беатрис не могла удержаться и протянула руку, чтобы погладить его по щеке. Когда брат отпрянул от этого проявления нежности, она с трудом подавила вздох и опустила руку. – В любом случае ты один все равно не смог бы это сделать. Меня должна представлять женщина. И со стороны нашей тети было очень мило предложить свои услуги.

– На самом деле очень мило, – хмыкнул он. – Вся эта компания такая «милая».

То, как он произнес это слово, заставило ее замереть на месте. Какое-то время она не произносила ни звука.

– Что ты хочешь этим сказать? – наконец спросила Беатрис. – Ты едва ли общался с нашей тетей, ты игнорируешь Шеридана, ты даже ни разу не видел леди Гвин.

– Никого из них никогда не интересовало, как ты живешь и что делаешь до сегодняшнего дня. И тут внезапно они предлагают представить тебя высшему свету. Попомни мои слова: у них для этого имеются какие-то свои причины. Все это неспроста.

– Но я воспользуюсь предоставившимся мне шансом.

Каким-то образом она должна помочь и себе, и Джошуа выбраться из этого места, найти что-то более надежное, где у него все будет хорошо, где он сможет процветать и преуспевать... где *она сама* сможет процветать и преуспевать. Потому что сейчас они оба умирают медленной смертью, они несчастливы на обломках скандальных деяний их отца, а глубокие раны Джошуа только усложняют положение вещей.

Она так устала от всего этого!

– Ты хочешь сказать, что не одобришь наш план?

Беатрис увидела ярость в его глазах цвета лесного ореха, которые обычно смотрели уныло и безжизненно. От этого ей захотелось плакать. Но его ответ удивил ее.

– Конечно, одобрю.

Она обняла брата за шею, не в силах удержаться. Ей так хотелось к нему прикоснуться!

– О, спасибо тебе, спасибо! Ты самый лучший на свете брат!

Хотя Джошуа немного напрягся, он не оттолкнул ее, как делал обычно.

– Вообще-то ты не предоставляешь мне особого выбора, – хрипло заметил он.

Беатрис прижала его к себе еще крепче.

– Я всегда даю тебе возможность выбора, брат. Но только пока ты делаешь правильный.

Когда она выпустила его из своих объятий, Джошуа улыбался:

– Ты так быстро растешь, утенок!

Он так давно не называл ее утенком...

– Если ты еще не заметил, то я не только стала взрослой, но еще и очень скоро могу остаться старой девой.

– Чушь! Любой мужчина, у которого есть глаза, увидит, что ты – бриллиант чистой воды.

– Может, неограниченный алмаз, – ответила она. – И очевидно, что в этих местах живут только слепые мужчины.

– Кроме наших кузенов, да? – До того как она успела ответить, он добавил: – Хорошо, отправляйся в большой мир. Я не стану тебя останавливать.

– Ты мог бы поехать с нами в Лондон, сопровождать нас, – выпалила Беатрис на одном дыхании. – Я уверена, что наша тетя не будет возражать. И ты тоже заслуживаешь того, чтобы войти в высшее общество.

Джошуа скорчил гримасу:

– Я никогда в жизни даже близко не подойду к этой выгребной яме. И поверь мне: никто меня там не ждет и не хочет, чтобы я насмеялся над их притворством и притязаниями. – Джошуа сунул свободную руку в карман пальто. – А ты поезжай и наслаждайся. Тебе будет лучше без меня. Просто... я надеюсь, что ты будешь сюда хоть иногда возвращаться после того, как найдешь себе отличного парня, из которого получится хороший муж.

– Я буду появляться здесь так часто, что тебе надоем! – заявила Беатрис.

При этом она искренне надеялась, что «отличный парень, из которого получится хороший муж», найдет для ее брата работу получше, чем в этом поместье. Таковую, которая позволит использовать его образование и опыт и поможет избавиться от печали в его глазах.

Потому что Джошуа заслуживал лучшего. И, боже, она сама тоже заслуживала.

* * *

Грей стоял перед воротами псарни и слышал, как лают собаки, когда мисс Вулф приветствовала каждую из них по отдельности. Она знала все клички. Грей не собирался подслушивать ее разговор с братом. Он искал ее частично потому, что ему было скучно, а его неугомная натура требовала действий, а частично потому, что хотел уже приступить к выполнению задания Шеридана, черт его подери.

Но затем Грей услышал, как спорят Беатрис и Джошуа, и решил выяснить все, что можно, если и только для того, чтобы успокоить Шеридана. Грей видел Вулфа на похоронах, но там у него была возможность только отметить несколько вещей. Вулф оказался симпатичнее внешне, чем ожидал Грей, и обладал манерами джентльмена, что тоже оказалось несколько неожиданным для человека его профессии. Шеридан не ошибся насчет рук Вулфа – майор был сложен как профессиональный борец. Пусть он ходил, опираясь на трость, но он определенно работал руками. И это был высокий мужчина, что Грей в общем-то и ожидал – ведь Беатрис тоже отличалась высоким ростом.

Тем не менее, если не считать изучение внешности Вулфа, Грей практически ничего не узнал, поскольку они с майором едва ли перекинулись парой слов.

Но подслушивание, по крайней мере, дало больше информации. Грей не смог разобрать весь разговор, но услышанного оказалось достаточно, чтобы понять: мисс Вулф беспокоится о своем будущем. И это беспокойство было оправданно, поскольку Вулф, очевидно, посещал по ночам такие места, о которых сестрам не рассказывают.

Но, несмотря на это и эксцентричность майора в целом, Вулф не показался Грею человеком, который станет бороться за титул герцога и все, что к нему прилагается. Он также не показался Грею безрассудным, полубезумным типом, которого описывал Шеридан. Совершенно определенно Вулф не собирался убивать четырех человек, чтобы получить наследство.

– Так, мои дорогие, отправляемся на прогулку, – послышался из-за стены голос мисс Вулф.

Черт побери! Они сейчас выйдут. Грей не хотел, чтобы она застала его маячащим у ворот, словно какого-то слугу, подслушивающего под дверью.

Он чувствовал себя идиотом!

Грей быстро отступил от ворот и немного пробежал вниз по склону, развернулся, дождался, пока откроются ворота псарни, и тогда снова пошел вверх навстречу Беатрис.

Она вышла с тремя пойнтерами на поводках и закрыла за собой ворота, потом наклонилась к собакам и сказала им шутливо:

– Только потом не говорите мистеру Мактилли, чем мы занимались, потому что мы сейчас отстегнем ваши поводки и побегаем. Согласны?

Грей был застигнут врасплох – таким тоном девчонки разговаривают с любимыми подружками. Он остановился, когда она взялась отстегивать первый поводок, слушал, как мисс Вулф говорит собакам нежные слова, и смотрел, как она дружелюбно общается с ними.

Он видел ее строптивой и вздорной, он видел ее покорной и услужливой, но он еще ни разу не видел ее мягкой и нежной. У него в груди что-то зашевелилось, и от этого ему стало как-то не по себе.

Когда молодая женщина занялась второй собакой, то повернулась к нему спиной и приняла такую позу, что Грею открылся прекрасный вид на ее аппетитный зад. Черт побери! Простое черное шерстяное платье так соблазнительно его обтягивало. Ах, как бы ему хотелось опустить руки на этот роскошный, крепкий *derrière*⁸.

– Пожалуйста, никаких безобразий, как в прошлый раз. Веди себя прилично, слышишь меня, Геракл? Ты будешь вести себя с Беатрис как хороший мальчик, да? Я тебя знаю, дорогой мой шельмец!

Грей почувствовал томление и нарастающее напряжение между ног, и в голове внезапно появилась мысль: «Да, мисс Вулф, я для вас был бы хорошим мальчиком. Попробуйте!»

Он задумался о том, какая она в постели, представил, как его ласкают эти нежные руки и полные губы. А может, она окажется горячей штучкой, такой же яростной, как в тот день,

⁸ *Derrière* – «тыл», «зад», «задняя часть» (фр.). – Прим. переводчика.

когда они познакомились. Может, она будет страстно отвечать на каждое его движение, каждый толчок, обовьет этими длинными ногами его бедра, и они...

Господи, помоги! О чем же он думает-то?

К счастью, именно в этот момент собаки бросились вниз по склону, Беатрис повернулась и увидела, что он поднимается к псарне. Она мгновенно сильно покраснела.

– Ваша светлость! – она нервно бросила взгляд на закрытые ворота, потом заговорила более тихим голосом: – Что вы здесь делаете?

– Ищу вас, – ответил он, добравшись до нее. – Шеридан сказал, что вас, скорее всего, можно найти в псарне, и кто-то подсказал мне, как сюда пройти.

«К вам, мисс Вулф. И к вашему такому привлекательному заду».

Боже праведный, как бы отделаться от образа ее зада, засевшего у него в голове? Грей чувствовал себя не в своей тарелке, когда собаки, которые вначале как сумасшедшие понеслись вниз по склону, вернулись назад и теперь пытались увлечь Беатрис за собой.

– Что-то случилось? – спросила Беатрис. Одна из собак приблизилась к ней, ткнулась носом в руку, и Беатрис нежно почесала ей голову. – Тете Лидии требуется моя помощь?

При упоминании его матери желание сразу же исчезло.

– Нет. Сегодня она наконец отдыхает. Слава богу.

Внезапно на лице Беатрис появилась настороженность. Шляпка с короткими полями не скрывала ее лица, и Грей мог видеть, как меняется его выражение.

– Тогда почему вы здесь?

– Я подумал, что нам с вами следует лучше узнать друг друга перед тем, как я начну рассказывать вам с Гвин о правилах, действующих в высшем свете. Я должен знать вас перед тем, как давать какие-то советы. Тогда нам всем будет проще.

– Тогда почему к нам не присоединилась леди Гвин? – спросила Беатрис, теперь она определенно была настороже.

– Потому что я уже хорошо знаю свою сестру, мисс Вулф, – рассмеялся он.

У нее на лице ответной улыбки не появилось.

– Я имела в виду... То есть...

– Я знаю, что вы имели в виду, – сказал он. Ему стало ее жалко. Ему хотелось, чтобы она чувствовала себя рядом с ним так же легко и свободно, как рядом с Шериданом. – Кроме того, Гвин сейчас с мамой.

– О да. Конечно. – Беатрис не встречалась с ним взглядом, даже не смотрела на него, только поправляла смявшуюся юбку. – Мне нужно выгулять собак. Пойнтерам нужно много бегать, или они...

– ...становятся беспокойными и неуправляемыми. Да, я знаю. Давайте вместе с ними погуляем? Обещаю, что не буду кусаться, мисс Вулф. В прямом и переносном смысле.

Ему показалось, что она пытается скрыть улыбку. По крайней мере, Грей заметил, как кончики ее губ немного приподнялись вверх.

– Мой жизненный опыт подсказывает, сэр, что укусить может любой мужчина, если его спровоцировать.

– Ну, значит, не провоцируйте меня, и я не буду показывать зубы. – Беатрис явно рассердилась, и Грей тут же улыбнулся ей, пытаясь успокоить: – Возможно, вы уже заметили, что меня трудно вывести из себя. Я похож на ваших пойнтеров – готов беспрекословно повиноваться командам. Прикажете – сяду у ваших ног.

Беатрис фыркнула:

– Я очень в этом сомневаюсь, ваша светлость.

Использование официального обращения к титулованной особе вызвало у него раздражение.

– Пожалуйста, называйте меня Грей, как зовут другие. Или даже Грейкурт, если вам так больше нравится. Только не надо титулов и официоза. Вы не служанка, а я не ваш хозяин.

– Хорошо. Но тогда и вы должны называть меня Беатрис, как все остальные члены семьи.

– Не Беа? – уточнил он.

Она вздохнула:

– Только, пожалуйста, не говорите никому, но я терпеть не могу обращение «Беа».

Почему-то сразу же появляются мысли о старухах.

– Спасибо, что предупредили. Хотя я думаю, что вы должны и другим об этом сказать.

– Не могу. Они были так добры ко мне.

– А *меня* в этом никто обвинить не может.

Она покраснела:

– Я не хотела...

– Я просто вас поддразниваю, – рассмеялся он. – Как я вам уже сказал, меня трудно вывести из себя. Хотя у вас могло сложиться впечатление, что дело обстоит с точностью до наоборот.

– Если вы это утверждаете... Грей. – Судя по ее тону, настороженность не проходила.

Беатрис не стала ждать, чтобы он указывал дорогу, а сама первой пошла вниз по склону, собаки пританцовывали перед ней. Грей последовал за ней, отметив про себя, что Беатрис вроде как направляет и удерживает собак с помощью невидимого поводка. Они ни разу не убежали слишком далеко вперед и не бросались в чашу сломя голову. А когда показалось, что один пес собрался сделать именно это, Беатрис тихо произнесла пару слов, обращаясь к нему, и он мгновенно вернулся к ней.

– Ваши пойнтеры прекрасно выдрессированы, – заметил Грей.

– Если вы это заметили, то вы, вероятно, охотник.

– Если честно, охота не является моим любимым времяпровождением, но я знаю собак. У меня были два сеттера, жили в доме. Они *не* были хорошо выдрессированы и даже не умели просто хорошо себя вести. Такую пару неугомонных бандитов нужно еще поискать! Никто не мог с ними справиться, включая меня. – Он посмотрел на Беатрис уголком глаза: – Хотя думаю, что *вы*, наверное, смогли бы.

– Надеюсь. Сеттеров несложно дрессировать. – Разговаривая с ним, Беатрис не отводила взгляда от собак, скачущих и веселящихся впереди. – Вы говорили в прошедшем времени. Что случилось с вашими любимцами?

Он помолчал мгновение, потом ответил:

– Мне пришлось оставить их в Пруссии, когда я вернулся в Англию, чтобы учиться в Итонском колледже.

– О, как это *ужасно*! – сочувственно воскликнула Беатрис. – Вы, наверное, по ним очень скучали.

«Скучал, но не так, как по своей семье».

– Это были собаки, мисс Вулф. Не дети.

Грей хотел этим ответом отделаться от ее расспросов – чтобы она, не дай бог, не спросила его про расставание с семьей, о чем он не хотел говорить. Но вместо того, чтобы сменить тему, Беатрис очень внимательно на него посмотрела:

– Это не означает, что вы по ним не скучали.

– У меня просто не было времени по ним скучать, – сказал он и сам сменил тему: – Насколько я понимаю, вы с братом живете на территории поместья в доме, предназначенном для вдовствующей герцогини.

Почему-то после этого вопроса она снова рассердилась, даже скорее ошетинилась, если к ней можно было применить это слово.

– Да, живем. По крайней мере, пока ваша мать предпочитает жить в большом доме.

– Поверьте мне: моя мать всегда будет жить максимально близко к своим детям, только если Шеридан сам ее не выгонит...

– Или его новая жена, – саркастически добавила Беатрис, затем опомнилась: – Простите, ваша светлость. Мне не следовало это говорить.

– *Прекратите*, пожалуйста!

– Простите, – пробормотала Беатрис. – Я хотела сказать «Грей».

– Я не об этом говорю. Прекратите извиняться за высказывание вслух того, что думаете. Я сам всегда так делаю.

Беатрис фыркнула:

– Но вам-то *можно*. Вы – герцог, к тому же богатый. Никто не пойдет против вас, не осмелится вам противостоять. А если бы у меня было достаточно мозгов, то я тоже не стала бы вам так отвечать.

Услышав ее прямой ответ, Грей весело рассмеялся.

– Вот это мне и нравится! – воскликнул он, а увидев, как она побледнела и открыла рот, добавил: – *Не смейте* за это извиняться!

У нее заблестели глаза.

– Я и не собиралась, – объявила Беатрис.

– Черта с два вы не собирались.

В это мгновение он заметил, что сжимает ее предплечье – Беатрис многозначительно посмотрела на его руку, и он понял, что непроизвольно схватил ее. Грей отпустил ее руку и снова заговорил:

– Похоже, что пришел мой черед извиняться. Простите за то, что себе позволил. Я не должен был хватать вас за руку. Хотя у меня создалось впечатление, что вас раздражает *все*, что я делаю.

Она украдкой бросила взгляд в ту сторону, куда побежали собаки, удостоверилась, что они все еще находятся в поле ее зрения, после этого посмотрела на Грея:

– Это не так. Вы любезно не сообщили родственникам о нашей... горячей перепалке во время нашей с вами первой встречи.

– Разве она была горячей? – Грей изобразил удивление. – Я не заметил.

Этот ответ вызвал у нее легкую улыбку:

– Лжец.

– Знаете, что я вам скажу? Давайте мы с вами притворимся, что я не герцог, а вы – просто родственница моей мамы, а не ее последний про... – Грей вовремя остановился, чтобы не произнести полностью слово «проект». – Протеже моей мамы. Давайте притворимся хотя бы ненадолго, что мы просто два человека, которые беседуют, не преследуя никаких корыстных целей, без задних мыслей и скрытых мотивов. Я буду говорить то, что я думаю, и вы будете говорить то, что вы думаете, и никто из нас не станет извиняться.

– Зачем?

– Ваши извинения отнимают слишком много моего драгоценного времени, – ответил он с улыбкой. – Видите? Вот как это делается. Я буду самым собой – высокомерным и напыщенным, и вы будете самой собой – рубить правду-матку в глаза. И тогда мы прекрасно поладим, не будем суетиться и все у нас получится.

И, может, тогда она раскроет какую-то полезную для него тайну, связанную с ее братом. И это не упоминая того, что он чаще будет видеть настоящую Беатрис, такую, какая она на самом деле.

Беатрис посмотрела на него вопросительно:

– Я думала, что вы будете готовить меня к вращению в высшем обществе. Я сомневаюсь, что там всегда можно произносить вслух то, что придет мне на ум.

– Согласен. Этого не следует делать. Только если мы с вами вдвоем и нас никто не слышит. Если это разговор между нами двумя, то это полностью приемлемо. Но не в других случаях. А возможность высказывать мне все, что вы думаете, как раз может остановить вас от желания выпалить то, что не следует, в других местах.

Беатрис очень мило покраснела, от чего стала еще более симпатичной.

– Значит, вы заметили мою склонность к... э-э-э...

– Говорить то, что вы думаете? Как я мог не заметить? Для меня это глоток свежего воздуха в общении с людьми. И мне эта черта нравится в вас больше всего.

– Правда?

– Клянусь. – Грей протянул руку: – Так что вы думаете? Заключаем сделку?

Беатрис колебалась перед тем, как вложить свою ладонь в его руку.

– Да, наверное. Если только то, что мы говорим, не пойдет дальше.

– Этого я вам обещать не могу.

Слова вылетела изо рта у Грея до того, как он успел их остановить. Беатрис тут же вырвала у него свою руку и нахмурилась. Грей быстро исправился:

– Мама захочет знать, о чем мы говорили. И мне придется ей что-то рассказывать.

Беатрис перестала хмуриться:

– О да, я понимаю.

Она коснулась подбородка рукой в перчатке и хитро улыбнулась мужчине:

– Отлично. Вы можете передать ей, что мои уроки общения в высшем свете проходят прекрасно. Я демонстрирую хорошие результаты.

– Уроки общения в высшем свете? – рассмеялся он.

– Я именно так называю их в уме. – Беатрис приподняла одну бровь: – Это лучше, чем думать о себе как о последнем проекте вашей мамы.

Грей поморщился:

– Вы это поняли. И поняли, что я чуть не сказал.

– Не беспокойтесь, – легким тоном ответила Беатрис. – Первым был Шеридан. Это он назвал меня «проектом».

– Я бы извинился, но это будет против наших новых правил.

Она усмехнулась:

– Да, будет... Грей.

Такая она ему нравилась гораздо больше. Когда она его поддразнивала, когда у нее в глазах плясали веселые искорки, Грей легко мог представить ее в вечернем платье, флиртующей с каким-нибудь мужчиной на балу. Предпочтительно с ним самим.

Да что же это такое, черт побери? *Не* с ним.

Беатрис повернулась и взглянула вниз с холма. Улыбка тут же сошла с ее лица:

– Черт побери! Эти собаки опять в утеснике⁹! Я должна была за ними лучше следить. Если я с ними не играю и не разговариваю, им становится скучно. Вот проказники!

Леди тоже ругается? Шеридан был прав, назвав ее «бойкой молодой особой с мальчишескими повадками». Но когда она приподняла юбку, чтобы не мешала, и побежала вниз по склону, Грей смотрел на очень женские икры, обтянутые чулками и мелькавшие над короткими сапожками.

Икры были узкие, и их вид оказался гораздо интереснее всего остального вокруг. Но потом ее голос отвлек Грея от их созерцания – Беатрис пыталась уговорить собак вылезти из кустов. Наверное, ему следовало ей помочь.

Он пошел вниз по склону широкими шагами.

– Я их сейчас выманю, – объявил Грей.

⁹ Утесник обыкновенный – очень ветвистый колючий кустарник до полутора метров высотой. – Прим. переводчика.

– Не смейте туда ходить! – Беатрис вперила руки в боки и гневно смотрела на него. – В конце концов они сами вылезут. Но когда они в предыдущий раз забрались в утесник, мистер Мактилли отправился за ними и застрял. Если вы застрянете, то как минимум испортите свою дорожную одежду.

– И именно поэтому я за ними не полезу.

Грей достал из кармана пальто печенье из тех, которые предлагали прощающимся на похоронах, развернул обертку и отломил кусочек. Мужчина бросил этот кусочек ближайшей собаке, а потом смотрел, как пойнтер его подобрал, быстро проглотил и залаял, требуя еще.

Герцог отломил еще один кусочек и показал собаке – и она сама тут же выбежала из кустов. Поняв, что господин раздает угощение, остальные собаки тоже выбежали из кустов, и Грей вознаграждал каждого пойнтера за хорошее поведение.

Грей сел на корточки и погладил пойнтера, кличку которого запомнил.

– Ты хороший пес, Геракл, – сказал Грей, потом поднял глаза на мисс Вулф, которая смотрела на него, широко раскрыв рот. – Что такое?

– Как вы... Почему вы носите в кармане печенье, которое едят на похоронах?

«Потому что я никогда больше не хочу оказаться без еды, когда мне хочется есть».

Нет, такое ей сказать нельзя. Тогда придется слишком многое объяснять и рассказывать то, что ей знать не следует. Так что Грей просто пожал плечами:

– Мне сказали, что вы на псарне. Поскольку это означало, что я окажусь рядом с собаками, я решил, что нужно захватить для них угощение.

Другими словами, он пришел подготовленным, чтобы ее завоевывать, завоевывая для начала ее собак. Это срабатывает?

Возможно. Хотя бы потому, что она беспомощно рассмеялась.

– Да вы такой же плут, как они!

– Вполне вероятно. – Грей улыбнулся, глядя на Беатрис. – А как зовут двух других?

Она тряхнула головой, подошла ко второму пойнтеру и ухватила за ошейник:

– Это Герой. А вот того, пятнистого, зовут Гектор.

– Тот, кто их назвал, определенно любит греческую мифологию.

– Это не я, – сообщила Беатрис. – Я предпочитаю хорошие романы.

– А я предпочитаю «Таймс». – Грей почесал Гектора за ухом: – А ты что предпочитаешь, парень? Тебе нравится, что тебя называли Гектором?

Пес лизнул ему лицо в ответ. Грей рассмеялся, мисс Вулф нахмурилась.

– Прекрати, Гектор! – приказала она, и собака мгновенно повиновалась, хотя тут же лизнула руку Грея в перчатке. Беатрис вздохнула: – Придется снова пристегнуть поводки, хотя бы для того, чтобы вы не облизывали его светлость.

– Не надо делать это из-за меня, – сказал Грей, вставая и отряхивая брюки. – Немного собачьей слюны еще никому не принесло вреда.

Беатрис скептически посмотрела на него:

– Все равно я не хочу рисковать: они же могут снова убежать в утесник. А у вас в конце концов закончится печенье.

– Вы правы.

Беатрис пристегнула поводки, хотя на этот раз, как он отметил, она не принимала пикантной позы, а встала на колени. Как жаль! Затем она натянула поводки.

– Пошли, мои дорогие! Погуляем по лесу.

Но собаки надеялись получить еще угощение, а поэтому стояли вокруг Грея и обнюхивали его пальто. Очевидно, его присутствие не способствовало их хорошему поведению. Беатрис нахмурилась, глядя на своих подопечных:

– Пошли! Вы же любите гулять по лесу, негодяи!

– Я польщен, что вы это заметили, Беатрис, – пошутил Грей.

– Не увлекайтесь, сэр, а то я заставлю *вас* с ними гулять, – сказала она, явно пытаясь скрыть улыбку.

– Если только вы будете указывать путь, я не возражаю, – ответил Грей и протянул руку, чтобы взять поводки. – Мы, негодяи, пойдем за вами куда угодно.

Она сглотнула, на шее у нее билась жилка, и ему страшно захотелось прижаться к ней губами, и еще ему захотелось поцеловать ямочку у основания ее шеи. Откуда такие мысли?

Но Беатрис быстро взяла себя в руки и протянула ему поводки:

– Хорошо. Ведите их. Если считаете, что сможете их удержать.

Когда он брал поводки из ее руки, их пальцы случайно соприкоснулись, Грей почувствовал, как по ним пробежал ток. Это возбуждало и тревожило.

Но если Беатрис и почувствовала то же самое, она не подала виду. Мисс Вулф развернулась на каблуках и пошла вдоль края зарослей утесника к лесу, где, похоже, росли одни вязы, а Грей последовал за ней вместе с собаками.

– Видите, парни, как можно сделать женщину милой, доброй и приятной? Нужно просто соглашаться со всем, что она говорит, и делать то, что она хочет. Таким образом можно получить именно то, что хотите *вы*.

Беатрис фыркнула, таким образом показывая, что его слышала. Еще она очень по-женски тряхнула головой и начала легко, почти незаметно покачивать бедрами, словно осознавая, что он рассматривает ее зад.

Грей чувствовал удовлетворение. Определенно день с Беатрис получался гораздо более интересным, чем мог бы быть день в кабинете с Шериданом и документами. Они и так вчера весь вечер после похорон пытались разобраться с делами поместья.

И кто знает? Может, ему еще и представится возможность взглянуть на тот злосчастный мост, где умер Морис, чтобы отчитаться перед Шериданом и по этому вопросу. Ему только нужно уговорить Беатрис показать ему дом, предназначенный для вдовствующей герцогини, в котором сейчас она живет с братом.

Грей начал думать, что это окажется не так сложно, как он предполагал вначале.

Глава 7

Беатрис шла по тропе, чувствуя за спиной дыхание его светлости. Вероятно, он смеялся про себя, вспоминая свои остроты и меткие фразы. Несомненно, он сам считал себя обаятельным и мог бы перечислить множество своих привлекательных черт – например, умение ладить с собаками.

Чертовы предатели! *Конечно*, он им понравился. Такой же подлец, как и они. «Как можно сделать женщину милой, доброй и приятной» – это ж надо такое придумать! Он считает, что сможет обвести ее вокруг пальца, если очарует ее пойнтеров? Не получится.

Но Беатрис была вынуждена с неохотой признать, что мало кто из герцогов позволит собаке себя облизать и при этом не моргнет глазом. Ну, за исключением Шеридана, который совсем недавно стал герцогом и еще не освоил все правила, которые должна соблюдать титулованная особа.

Она сомневалась, что Торнсток стал носить бы вкусняшки для собак в кармане пальто. И он также не стал бы тратить время на «последний проект» своей матери, даже если бы хотел помочь в этом деле, а он не хотел. Торнсток вчера вечером это четко показал.

Заинтересованность Грея в ней как «проекте», казалось, не имела смысла, хотя Беатрис наконец начала понимать, почему о Грее ходит столько сплетен, почему люди в Лондоне о нем судачат. Одни его похотливые взгляды могли служить темой для слухов. Заметит кто-то, как этот обольститель взглянул на женщину, – и все, пошли разговоры.

Внезапно Беатрис поняла, что у нее тихо за спиной. Она повернулась и увидела, что герцог отстал, стоит и терпеливо ждет, пока Герой делает свои дела на листья.

А если говорить об обольщении женщин... Ей очень понравилась предложенная Грейкуртом сделка! Сама мысль о том, что всегда можно говорить то, что она думает, и не извиняться, бодрила и воодушевляла. Никаких правил, пока она рядом с ним. Никаких упреков, укоризненных взглядов. Беатрис почувствовала, как по спине у нее пробежало приятное возбуждение от... просто от того, что она может быть самой собой с этим мужчиной. Она ведь не была самой собой даже с его матерью или Шериданом.

Грей заметил, что она смотрит на него, и улыбнулся. Боже, как он был красив в этом своем пальто с капюшоном, которое он небрежно оставил расстегнутым. Под ним можно было рассмотреть черный траурный костюм, белоснежную рубашку и черный галстук. Еще на нем была шляпа, украшенная лентой гро-гро¹⁰, и блестящие высокие черные сапоги. Все это говорило о том, что Грейкурт одевается по последней моде, а в Сэнфорте это особенно впечатляло. Почему он такой привлекательный? Это было просто несправедливо.

– А куда ведет эта лесная тропа? – спросил Грей.

– К реке, которая огибает поместье.

– А, да. – Грейкурт перевел взгляд на собак. – Той реке, в которой утонул Морис. Вот оно, снова. Ей казалось странным, что он называет отчима по имени.

– А почему вы не называете дядю Мориса отцом, как все остальные? – спросила Беатрис. Грей сжал челюсти, даже кожа на них натянулась.

– Потому что он не мой отец.

– Он близнецам тоже не отец, но *они* называют его папой.

– Он их не отсылал в другую страну в возрасте десяти лет, – резко ответил Грей, потом выругался себе под нос. – Простите, я не собирался опорочивать память...

– Мне казалось, что мы договорись не извиняться, если скажем то, что думаем.

¹⁰ Лента гро-гро (*фр.*) – плотная накрахмаленная лента полотняного переплетения, бывает белого, черного, серого и коричневого цвета. – *Прим. переводчика.*

Грей легко улыбнулся:

– Все правильно. Я забыл.

– И еще одно предложенное вами правило гласит, что мы не станем передавать никому другому то, о чем говорим между собой. Так что вы можете порочить память моего дяди, если вам от этого станет легче.

И в особенности если это поможет ей понять все подводные течения, которые бурлили в отношениях Грея с его родственниками.

– От этого мне никогда не станет легче. Я восхищался своим отчимом. – Грей опять перевел взгляд на собак. – Но я был с ним знаком всего несколько лет. Мне было пять, когда он женился на моей матери, и десять, когда я уехал из дома.

– Мне казалось, что в Итонский колледж берут с тринадцати лет.

– Я... э-э-э... не прямо отправился в Итонский колледж. Вначале я жил со своими тетей и дядей.

– Почему?

Грей передернул плечами, словно это не имело для него значения. Но судя по тому, как его рука сжала поводки, Беатрис поняла, что имело, и немалое.

– Значит, будем играть в отгадайку? – шутливо спросила она, вспоминая их первую встречу.

Грей бросил на нее мрачный взгляд.

– Это скучная история, – сказал он.

– Почему вы не позволите мне самой об этом судить? Вы же говорили, что хотите, чтобы мы получше узнали друг друга.

Он посмотрел на нее так, что Беатрис поняла: он просчитывает варианты.

– Хорошо. Я вам расскажу. *Если* вы покажете мне мост, у которого утонул мой отчим.

Беатрис мягко улыбнулась ему:

– Я понимаю вас. Кладбища для меня ничего не значат. Мне самой хотелось побывать на том месте, где мой отец сделал свои последние шаги по земле. Конечно, у меня ничего не получилось, потому что никто мне так и не сказал, где он дрался на дуэли. Но я все равно думала, что если бы мне удалось туда попасть, то я могла бы встретить там его дух, который меня ждал и хотел передать какое-то важное сообщение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.